МУЗЕЙ ПОБЕДЫ

ПАЛЕ
МОЛОДЕЖНЫЙ КОМПЛЕКС

КОСТРОМСКОЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

ГВАРДИЯ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

РОМАШКА ПОБЕДЫ

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ ВОЙНЫ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ ИЗ СЕМЕЙНЫХ АРХИВОВ КОСТРОМИЧЕЙ ВРЁМЕН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ЛОКАЛЬНЫХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

«ИСТОРИЯ МОЕЙ СЕМЬИ В ПИСЬМАХ»

В РАМКАХ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭТАПА ВСЕРОССИЙСКОЙ АКЦИИ «РОМАШКА ПОБЕДЫ»

КОСТРОМА, 2 ДЕКАБРЯ 2021 Г.

Предисловие

8 июля 2017 года в День семьи, любви и верности в Музее Победы стартовала акция «Ромашка Победы. Семейная история войны». Она была рассчитана ровно на 1000 дней, до 75-летия Великой Победы, и прошла практически по всем регионам нашей Родины. Участникам предлагалось прочитать реально существующее фронтовое письмо либо отрывок из выбранного ими прозаического или поэтического произведения, посвященного военной тематике. В ходе акции каждый из желающих мог рассказать историю своей семьи в годы Великой Отечественной войны. Любовь во время войны – это огромный роман в письмах. Именно эти письма делали мужчин и женщин бесстрашными на протяжении долгих лет войны. В дни проведения акции участники читали письма с фронта и на фронт, стихотворения военной поры, пели военные песни, передавая друг другу память о семьях своих воевавших предков, и обращали внимание современного поколения на значимость семейных ценностей.

8 августа 2018 года был дан старт сбора писем для этой акции в Костромской области. Первые – «ожили» 8 октября 2018 г. Организаторы акции – ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей заповедник», МКУ города Костромы «Молодежный комплекс "Пале"» и АНО «Военно-историческое объединение «Гвардия»» внесли несколько существенных изменений в предложенный Музеем Победы формат: стали проводить акцию ежемесячно на различных площадках города Костромы и области. Также было решено рассказывать через письма о других периодах военной истории. Благодаря этому «заговорили» письма не только участников Великой Отечественной войны, но и тех, кто видел революцию и Первую Мировую войну, кто прошел горнило Афганистана, кто сражался с «невидимым врагом» – радиацией в Чернобыле, кто по

сей день хранит «хрустальный мир» на территории Северо-Кавказского региона. Период реализации проекта перерос рамки 75-летия Великой Победы. За это время было проведено 19 встреч с аудиторией в формате живого общения, 2 встречи на онлайн-конференциях. В течение 2020-2021 года было «озвучено» несколько обширных семейных архивов из фонда Костромского музея-заповедника.

Для проведения акции преимущественно использовались «Письма с фронта» – сборник документов и материалов 1941-1945 гг. (к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне), изданный Комитетом по делам архивов Костромской области. Кроме этого велась работа по сбору писем от населения. В ходе этой работы были получены уникальные документы из семейных архивов костромичей, которые ранее были известны только узкому кругу лиц. В какой бы период не писалось письмо, в них все равно встречались одинаковые образы. Ведь в разлуке с любимыми, в тоске по ним, на расстоянии тысяч километров от родной души они имели только один способ общения: делиться своими чувствами в письмах. Мы постарались максимально сохранить авторский язык, чтобы читатель смог полностью погрузиться в атмосферу определенного периода, стать соучастником описываемых событий.

Начало Первой Мировой войны 1914 г.

Царев Иван Васильевич

Родился 15.02.1888 г. По воспоминаниям внучки Назимовой Нины Владимировны: «Как-то приезжал в село купец Кульнев и говорил: «Ванюшку возьму в мальчики, отвезу в Питер, дам образование». Там жил дед с 12 лет, работал позолотчиком. Был мастер по золочению икон. Бабушка показывала сусальное золото, что осталось от него. Был с Мологского края, где сейчас водохранилище. До 1938 г. жили в д. Степурино, пока не началось переселение. Это была настоящая трагедия, в этот период и умер Иван Васильевич от сердечного приступа 24 июня 1938 г. 50 лет было ему. Бабушка осталась с 5 детьми. А фото из Питера, когда началась война, и он уехал в родное село. Работал зоотехником, участвовал в селекции Ярославской породы коров, чтобы из молока делать масло, которое вкуснее и лучше вологодского».

Письмо семье. 28 июля 1914 .

Здравствуйте! Дорогие мои супруга Пава и дочь Манечка. Первым делом шлю вам свой искренний сердечный привет и желаю всего наилучшего. Дорогую Манечку поздравляю с прошедшим Ангелом, желаю ей здорового здоровья. Пава, письмо твое получил. Спасибо тебе большое, но отец почему-то мне не прислал ответ. Ты пишешь – опиши, что было в Питере. Тут целая история, и писать не стоит. Да, действительно, было много кой-что, да сейчас не лучше с этими событиями. На каждом углу слезы

и горе. Запасных и лошадей взяли, и извозчиков теперь стало мало. Смирнова Костю взяли, Баусова фельдшера, и Политаева тоже. Политаева ратником. На квартире я один. Уплачено до 21 августа, потом не знаю – опишу. Хозяин наш, наверное, вылетит в трубу. Денег нет, и достать едва ли где сможет. Получку в эту субботу не давали. Обещался, да нечем отдать. Придется, пожалуй, бежать от него. Думаю поступить на аэропланный завод лакировщиком. Только примут ли на медицинском осмотре, а то делов там много. И народ нужны, и аэропланы на войну. Был у Кустиковой. Иван Игнатьевич в больнице. Вторую неделю все кровь из горла шла, теперь говорят лучше. Казенки, трактиры и пивные погреба по случаю мобилизации закрыты. Вот уже 2 недели слух идет, что молодых будут набирать солдат в августе, но Митя домой ехать не хочет. Все равно здесь, говорит, возьмут. Он молодец, белья себе нашил на 17 рублей, и сапоги готовы тоже. Васе я посылаю письмо, но он мне не отвечает. Не знаю почему, но прислал мне карточку. Писать больше нечего, кой-что узнаешь из отцовского письма. До свидания. Крепко вас целую, поцелуй за меня Маню.

Пиши про все скорей. Как бегает Маня, и как сами себя чувствуешь. Любящий вас Ваня.

Великая Отечественная война 1941-1945 гг.

Богомолов Сергей Александрович

Родился 12 октября 1925 года в деревне Ратушино Красносельского района Костромской области в крестьянской семье. После окончания семилетки поступил в Костромскую фельдшерско-акушерскую школу. Полный курс обучения в школе пройти не удалось. Началась война. В конце 1942 г. Сергей досрочно сдал экзамены и 6 января был призван в ряды РККА. Летом молодой офицер, которому ещё не исполнилось и 18 лет,

вместе с бригадой убыл на фронт. Боевое крещение получил в июле 1943 года у деревни Петрикино, западнее города Вязьмы, где ещё необстрелянному военфельдшеру в ходе боёв по прорыву сильно укреплённых позиций противника пришлось перевязывать раненых и носить их в укрытие... Звание Героя Советского Союза младший лейтенант медицинской службы Сергей Богомолов получил за бои на правом берегу реки Черница Лиозненского района Витебской области Белоруссии. О своем подвиге подробнее он напишет в письме преподавателям и студентам училища.

Письма родственникам, а также студентам и преподавателям медицинского училища.

1. Дорогие Леонид Геннадьевич и многоуважаемая сестренка Фаина Васильевна. Милые ваши дети и внуки, здравствуйте! Сердечно и радостно от души поздравляю всех вас, и особенно участника Великой Отечественной войны Леонида Геннадьевича с 49 годовщиной Великой Победы!!! Примите самые наилучшие пожелания в здоровье, труде и отдыхе. Весна и лето обещают быть хороши, в связи с чем желаю всем вам успехов в садово-огородничьем хозяйстве. Хочется встретиться и повидать вас всех. Наверное, выросли, возмужали, похорошели, особенно, дочери Галя и Ира, а также внучки. Ну, и сын Борис, а также внуки-богатыри – очень трудолюбивы, мужчины. А как здоровье Леонида и Фаины Васильевны? Здоровье мое ниже среднего, но летом хочется побывать в Костромских краях. В связи с образованием новых молодых семей: Валентина – моего сына, дочери Ольги пришлось поменять нашу квартиру, и всем разъехаться. Валентин,

его жена Света и дочь Юля в Строгино за реку Москву (ехать 30 минут). 28.04.95 г. Москва.

2. Дорогие руководили костромского медицинского училища, милые мои студенты! Я сердечно и горячо благодарю вас всех за письмо и за поздравление с 50-летием Победы в Великой Отечественной войне. Мы – ветераны этой сильнейшей и справедливой вооруженной борьбы с фашизмом в деле защиты Отечества и освобождения народов Европы, готовимся с апреля 1994 г. и сейчас эта подготовка в самом разгаре: подготовили сборник воспоминаний о войне, подготавливаем встречи ветеранов с вручением медали «50 лет Победы в ВОВ» и наручных часов «Защитнику Отечества 1945-1995», подготовка к параду на Красной площади ветеранов ВОВ, участие в международной конференции «Уроки Второй мировой войны и значении Победы над фашизмом» 18-19 апреля 1995 в Москве. А также ответы на письма любимые поздравления по почте боевым друзьям, живущим в СНГ. В 1994 г. 24-26 июня были приглашены в г. Витебск по случаю 50-летия освобождения Витебска и Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков. Нас белорусы очень тепло и радостно приняли: как родных братьев и сестер. Основной курс фельдшерского отделения мы докончили в декабре 1942 г., а государственные экзамены сдавали в январе 1943 г. в середине января 1943 г. нас, студентов-юношей, призвали в армию горвоенкоматом, который располагался на улице Лагерной. Госэкзамены я сдавал Диалектову Ивану Федоровичу. И.Ф. Диалектов спросил: «Уже забрали в армию?». Я ответил: «Да!». По специальности, фельдшером. Иван Федорович пожелал мне успехов в воинской службе и медицинском образовании. Его пожелания сбылись. Хороший был преподаватель, он заведовал терапевтическим отделением в городской больнице на Советской улице за аптекой во дворе. Его жена – Лидия Федоровна

Диалектова заведовала женским терапевтическим отделением. Мы получили хорошую терапевтическую практику. Заведовал костромской фельдшерско-акушерской школой (на Советской улице, в отдельном здании во время войны, был госпиталь, а затем лесомеханический технкум) Залкинд. В 1942 году он призван был в армию, ему присвоили звание подполковника, назначили начальником эвакогоспиталя в здании Текстильного института, а с 1944 г. – здании обкома партии.

Анатомию нам преподавал Цимблер Антон Павлович и его подруга жизни – Любомудрова. Очень талантливые преподаватели. Зав. ученой части был Рудиславский Владимир Евлампиевич. Он нам преподавал русский язык и литературу. Однажды на занятии он нам читал письмо Татьяны к Онегину по Пушкину, и трижды (так волновался от любовных признаний Татьяны) перерывал чтение, плакал, что губы и подбородок дрожали, а из глаз лились слезы – вытирал платком. Весь зал студентов «замер», и мы все переживали чувства преподавателя.

Был замечательный преподаватель по кожно-венерологическим заболеваниям. По акушерству и гинекологии преподавала красивая врач Лидия Александровна Шорина. По мужу ее фамилия Толстаева. Она 1919 года рождения, живет в Москве, телефон 461-53-97. 8 марта 1995 года я поздравил ее с первым весенним праздником. При разговоре мы вспоминали костромское медучилище, студентов и преподавателей.

Был у нас военрук, капитан артиллерии запаса Тюрин. Он с большим знанием дела нам преподавал Военное дело: хорошо изучили мелкокалиберную винтовку, боевую винтовку, гранаты Ф-1 и РГД, а также ручной пулемет и СВТ (самозарядная винтовка Токарева), а теоретически изучали станковый пулемет. Сдавали зачет по ГТО (готов к труду и обороне) и ГСО (готов к санитарной обороне). Нам выдавали значки. Хорошо владели противогазом,

накладывали повязки, осваивали остановку кровотечения, лечили кислородную недостаточность, стреляли в тире. После войны, в августе 1945 г., я встретил Тюрина на «сковородке» в звании подполковника артиллерии, через 5 лет встретился с его женой на реке Покша у деревни Александрово, в 2 км. от моей родной деревни Ратушино. Повспоминали медучилище, порыбачили на удочку.

В 1941 в Кострому прибыли гражданские врачи: Ольга Коллет возглавляла костромскую фельдшерско-акушерсвую школу в 1942 г. хирургию нам преподавали: доктор Чернов, доктор Алексеев, Дорховец, Преображенский – по поликлинической хирургии. Один ленинградский доктор преподавал нам хирургию (фамилию запамятовал), а вечер работал в театре им. Островского и был режиссером спектакля «Русские люди» по Симонову Константину.

Из наших однокурсников: Грошев Александр Георгиевич в 1942 г. летом призван в армию и поступил в 1 Ленинградское артиллерийское училище. В январе 1945 окончил его в звании лейтенанта. Воевал в Чехословакии командиром артиллерийского взвода (122 мм орудий). В боях за Прагу 8 мая был тяжело ранен, ему оторвало ногу большим осколком, осталась культя бедра длинной 5 см. носил протез. После войны вновь поступил в костромское медицинское училище (его в армию взяли со 2 курса) и окончил его в 1947 г. Получил диплом фельдшера, работает в сельце Иконниково Подсосенского сельсовета Красносельского района зав. фельдшерским пунктом.

Вместе со мной в январе 1943 г. окончил фельдшерское отделение Баранов Геннадий. Он поступил в пехотное военное училище. Но в сентябре 1942 их раньше времени выпустили сержантами из училища, и направили на фронт командирами отделений пехоты. Мой друг Баранов Геннадий погиб под

Смоленском. С нашей группы после окончания училища ушли на фронт Рая Рахматова из Татарской Слободы г. Костромы и Тамара Куракина из Приволжска. Алексей Семионов (1926 года рождения) работал фельдшером. Осенью 1943 г. был призван в армию. Служил фельдшером в реактивной артиллерии. После войны поступил в Ярославский мединститут и в 1950 г. его окончил, и в г. Днепродзержинск работал врачом в радиологии. В 1980 г. его не стало. Погиб от опухоли легкого.

Витя Кузнецов вместе со мной был из горвоенкомата (в начале февраля 1943 г.) направлен в г. Горбатов на Оке Горьковской области на курсы военной подготовки в объеме командира взвода по программе военного времени. С 15 февраля по 15 апреля 1943 мы прошли военную и медицинскую подготовку по оказанию экстренной медицинской помощи раненным на поле боя. 13 апреля 1943 нам с Кузнецовым присвоили воинское звание младший лейтенант мед. службы и направили в Москву в резерв медсостава МВО (Московского военного округа). Из резерва Кузнецова направили на Западный фронт, а меня – в Гороховецкие лагеря в формирующуюся 43 минометную бригаду. Бригада вошла в состав 3 гвардейской артиллерийской дивизии РВГК (резерва Верховного главного командования). В течении 1943 года наша дивизия и бригада вступили в бой на прорыв долговременной обороны под Дорогобужем. Были очень тяжелые бои: днем и ночью под бомбежкой немецких самолетов «Юнкерс-87» и «Юнкерс-88», а также «Хейнкиев». Под разрывами снарядов и мин, а также под огнем противника мы продвигались по 2-3 км. в день. Было много убитых и раненных.

Раненым оказывали помощь круглосуточно, останавливали кровотечение, устраняли боль анальгетиками с целью профилактики или лечения шока, накладывали шины при переломах, повязки для защиты ран от инфекций, боролись с

дыхательной недостаточностью и лечили сотрясение мозга, ожоги и обморожения. А при атаке фашистов или при окружении наших подразделений и раненных, медики, фельдшера и медсестры, санинструкторы и санитары защищали раненных личным оружием на поле боя, вели огонь из автоматов, применяли гранаты. Раненых после оказания экстренной 1 помощи выносили с поля боя с их личным оружием. Гибель младших и средних медработников на поле боя была очень высока = 40-41% при наступательных операциях.

Мне в боях за г. Дорогобуж, Спасс-Демьянск, Рославль и Смоленск удалось оказать помощь большому количеству тяжелораненых и выносить их с личным оружием при любой боевой обстановке. За что был награжден в октябре 1943 г. орденом «Красная Звезда».

Затем бои за Оршу, Витебск. По-прежнему гитлеровцы упорно сопротивлялись, начали применять тяжелые ракетные минометы. В декабре 1943 г. под Витебском мне посчастливилось встретиться с младшим лейтенантом Кузнецовым Виктором, с которым из Костромы уезжал в г. Горбатов на Оке на военно-медицинскую подготовку. Он на войне был ранен. Остался жив, и после войны прибыл в Кострому. Затем мой друг Кузнецов окончил Ярославский мединститут и стал врачом. Он разыскивал меня в Москве, и мы с ним встретились. В боях под Витебском, 25 февраля 1944, нашу 3-ю минометную батарею, которой командовал старший лейтенант Тихмянов А.П., и которую мне пришлось обеспечивать в медицинском отношении (нас было 38 человек), окружили 2 батальона немецкой пехоты (800 человек) при поддержке 2-х танков «Тигр» на безымянной высоте.

Телефонная и радиосвязь были прерваны разрывами снарядов противника. В критический момент мне пришлось не только перевязывать раненых, но с 11 бойцами отбивать первую

атаку немецко-фашистских захватчиков. А это около 90 гитлеровцев. Дали возможность командиру батареи с остальными бойцами занять круговую оборону на высоте, где были глубокие окопы и ходы сообщения, а также в центре большой блиндаж (когда-то в этом блиндаже был штаб немецкого полка). Для укрытия раненых мы несли потери. Раненым бал оказана медицинская помощь, и укрыты в блиндажах от повторных ранений. Затем были еще раненые. Всем была оказана срочная медицинская помощь. Отбили еще 3 атаки немцев, вызвали огонь немецкого минометного полка на себя (послали 3-х разведчиков Кузьменко, Елаева, Морозова) на восточный берег реки Черницы под покровом темноты. Огонь наших минометов помог нам отбить 4-ю атаку фашистов. На выручку к нам прибыл батальон под командованием старшего лейтенанта Скрипко. К 22-му положение на плацдарме было восстановлено. За этот бой всех минометчиков наградили орденами. Командиру батареи старшему лейтенанту Тихмянову 16 мая 1944 было присвоено звание Героя Советского Союза, а мне присвоили 3 июня 1944 года. Затем было освобождение Белоруссии и Литвы. В музее ВОВ 1941-45 золотыми буквами отмечены Тихмянов и Богомолов в Минске.

До свидания родные мои земляки, обнимаю всех вас, и желаю здоровья, творческих успехов и счастья. 28.04.95.

Бочков Василий Михайлович

Рассказывает дочь Евгения Васильевна: «Родился 22 июля 1914 года в городе Костроме. Дом, в котором прошли его детство и юность, находился в центре города, на улице Павловской, дом № 3.

1 сентября 1930 года он поступил в школу ФЗУ Металлистов при машиностроительном заводе «Рабочий Металлист» и 27 августа 1932 года окончил полный курс названной школы по специальности – токарь. В течение пребывания в школе исполнял общественные работы – комсомольский организатор. Вся его трудовая деятельность связана неотрывно с заводом «Рабочий Металлист». Параллельно обучаясь, в школе ФЗУ с 1 сентября 1930 года работает учеником токаря. После окончания ФЗУ служит в рядах Красной Армии.

Вернувшись после службы в армии, начинает в 1936 году работать мастером в токарном цехе, а с 4 сентября 1938 года – сменным мастером в механическом цехе №2.

Во время прохождения службы в рядах Красной Армии Бочков В.М. проходит месячную программу по подготовке механика-водителя танка «Т-34». Согласно полученному удостоверению Бочков Василий Михайлович вполне подготовленный, дисциплинированный, выдержанный младший командир, отличный механик – водитель танков «Т-34».

В январе 1938 года он женился на Губочкиной Александре Александровне 1913 года рождения, которая работала вместе с ним в одном цехе строгалем на строгальном станке.

1 июня 1941 года работает в аппарате военной приемки ГАУКА (Главное артиллерийское управление Красной Армии).

22 июня 1941 года, началась Великая Отечественная война. Бочков В.М. имел бронь, т.е. его оставляли работать на заводе. 11 ноября 1941 года Бочков В.М. в звании старшего сержанта, в рядах

Ярославской Коммунистической дивизии уходит добровольцем на фронт отстаивать честь и независимость Отчизны, оставив молодую жену (28 лет) и троих детей в возрасте: трех лет, двух лет, четырех месяцев.

Немного не довоевал до дня Победы Бочков В.М. 9 марта 1945 года он был ранен и умер от ран в Восточной Пруссии, с. Икийхендорф (Ахендорф) в 25 км, от города Марунген. В течение всей войны Василий Михайлович регулярно посылал письма своей жене, а их больше 50, из этих писем жена многое знала, как шли к Победе наши советские воины.

Бочков В.М. награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени. Погиб он в звании гвардии лейтенанта».

1. 13 марта 1942 г.

Письма семье.

С нового места спешу тебе сообщить о том, что я пока жив и здоров. О своей жизни и о своем здоровье, конечно, говорить могу только в тот час, как только пишу тебе письмо, а что будет дальше, не знаю. Сама понимаешь, где я нахожусь. Да, милая Шура, кое-чего я видел, от чего можно даже поседеть. И всякий раз при опасности своей жизни держу в голове, дорогая, тебя и своих ребятишек…

2. 15 октября 1942 г.

Шура, спешу тебе сообщить, что я тебе писал проездом на фронт письмо без адреса. Но сейчас адрес есть, т.е. не попал туда, куда я тебе упоминал, а обратно в свою часть возвратили… Нога у меня окончательно окрепла, хромоты почти уже нет, но после ходьбы чувствуешь усталость на раненую ногу… Новостей, конечно, больших никаких нет, если только не считать, что учусь на среднего командира…

3. 31 октября 1943 г. – фронт.

Здравствуй милая моя Шурочка.

Дорогая Шурочка, хотя я от тебя еще не получал писем, все же сегодня решил тебе черкнуть несколько строчек. Знаешь дорогая, напишу тебе небольшой фронтовой стишок, говорящий очень много о своем близком, любящем человеке.

Твоя любовь.

Как солнце надо мной горит любовь твоя
В победу близкую уверенность вселяя
Бессмертной силою хранит меня в боях
На подвиги зовёт и душу окрыляет
Одной тобой дышу, тобой живу
В дыму сражений под свинцовым градом
С минутах отдыха во сне и наяву
Я чувствую тебя с собою рядом.
С тобою вместе ринусь в смертный бой
Любую боль приму, стерплю любые муки
И смерть мне нестрашна я вижу над собой
Твои благословляющие руки.

Больше Шурочка писать нечего, так как я уже тебе массу послал писем, но ответа пока не было. Как ты уже видишь, я пока жив и здоров, правда скука по тебе не дает мне покоя, короче говоря, тоскую. Затем, до свидания милая, дорогая моя Шурочка. Крепко целую детишек: Жеку, Мишу и Борю. Скажи Мишутке, если папа еще раз приедет домой, то обязательно привезет коня. Большущий привет Маше, Леле, Надежде и Вале. Остаюсь крепко на крепко любящий тебя муж, В. Бочков.

Шурочка, поздравляю вас всех с 26-ой годовщиной Великой Октябрьской Революцией.

4. 14 ноября 1943г.

Здравствуй дорогая и милая Шурочка!

Шурочка, сегодня получил от тебя письмо, за которое очень и очень благодарен. Шурочка, ты пишешь, что получила деньги только лишь двести рублей и только, а остальные пятьсот рублей получишь позднее, как только я получу. Правда вышло недоразумение, денежную то премию мне дали, а начфин их не может получить, и еще сам в тот раз хотел мне перевести домой, и выходит меня обнадежили, а я поторопился, сообщил. Знаешь, дорогая Шурочка, я просто расстроился, но все одно, эти деньги не пропадут. Рано или поздно, но их получишь. Знаешь Шурочка, я этого начфина просто проклинаю, что он меня обнадежил, а я тебя милая, дорогая. Шурочка, прошу тебя меня простить. Милая моя Шурочка, откровенно говоря, сейчас ты у меня из головы не идешь. Как ты для меня дорога просто напросто не опишешь и никак не выскажешь. Я думаю, ты вполне меня понимаешь, да едва ли кроме тебя меня кто может понять. Родная моя Шурочка, я писал тебе, что выслал денег, семьсот рублей, а на самом только двести. Почему так вышло? Придя к начфину получить деньги и оформить перевод домой, он говорит, вам премия есть, пятьсот рублей, пошлем вместе что ли жене. Я говорю, конечно, так я и сделал, понимаешь. Спрашиваю у него через некоторое время, квитанцию вы мне дадите, он мне и говорит, перевод вам оформили, но на двести рублей, потому что в армии премиальных не получил, как, говорит, получу, так и переведу. Только дело во времени. Эти, говорит, деньги не пропадут. Вот, дорогая, почему получилось такое недоразумение. Дорогая Шурочка, ты пишешь на счет ложки, дак знаешь, я её оставил тебе умышленно. Думаю, пускай хоть ложка останется. Все какая никакая память будет дорогой моей жене. Шурочка, мне особенно понравилось в твоем первом письме слово, я привязан к тебе. Это милая, дорогая

Шурочка, верно, я к тебе привязан и привязан так, что никогда меня от тебя не развяжешь. Ты же ведь у меня самое близкое, самое родное. Впрочем, вся жизнь моя. Я же ведь одной тебе верю, одной тобой живу, почему? Потому что ты поступала и поступаешь как действительный друг жизни. Из чего это складывается, это даже не опишешь. Война открыла мне глаза и еще раз подчеркнула, что такого друга жизни как ты я никогда и нигде бы не нашел как ты. В этом крепко я убежден, и в это я верю. Шурочка, ты мне пишешь, что мама на меня обижена, почему я ей не написал, то это не справедливо. Маме я так же написал, но несколько позднее, чем тебе, дорогая. И скажи ей, когда пойдешь в город, что никогда ее не забуду, и пока жив, то так же буду писать регулярно письма как тебе. Прошу тебя, успокой её. Милая моя Шурочка, брось мне говорить, что ты не умеешь писать. Ты пишешь для меня замечательно, и каждая буква, каждое слово для меня дорого, и очень даже дорого, как и ты сама. Это для меня так лучше. Шурочка, опишу коротенько как провел на фронте октябрьские дни. Седьмого числа дали водки по двести грамм. Восьмого получили посылки из Челябинска. Мне в посылке досталось четверка водки, колбаса, сыр, носовой платок, одеколон, сахар, подворотнички. Знаешь, подумал я, как хорошо бы все это домой отправить. Затем, до свидания, целую деточек, Мишу, Жеку, Борю, маму. Привет Леле, Вале и Надежде, и миллион раз целую тебя. Остаюсь крепко накрепко тебя любящий, Вася.

5. 27 ноября 1943 г.

Здравствуй дорогая, милая, любимая моя Шурочка! Хорошая моя Шурочка, хотя вчерашний день я тебе написал ответ на твое письмо, все же мне показалось, что я очень мало тебе ответил, поэтому сегодня выбрал свободное время и решил черкнуть тебе еще письмо. Знаешь, дорогая моя Шурочка,

думаешь и писать – то вроде нечего, а поговорить – то с тобою хочется. Так же, попросту, откровенно, как я с тобою говорил я, когда был вместе, а поэтому и не пишу чего особенное, красивое, красноречивое, этого писать я не умею. Дорогая моя Шурочка, сегодня я ходил на боевое задание, правда не так – то ответственное, но смертельное. Одного близкого друга потерял, правда, очень жаль, но ничего не поделаешь, а только опять проклинаешь гада Гитлера и еще больше ненавидишь паршивого немца. Пришлось, конечно, написать об этом его родителям, т.к. жена у его вышла за другого замуж, имея одного ребенка. Больше, возможно, через это он и погиб, есть же сволочи, не правда ли, Шурочка?

Вот, дорогая, милая Шурочка, что я тебе смог сообщить нового. Как видишь, а я все пока еще цел и невредим, мне просто и не верится, что со мной может чего-либо случиться. Милая, такого близкого, хорошего друга как ты, я чувствую, для нас обязательно настанет время пожить вместе, в кругу своей семьи, и так мы будем жить хорошо, что никогда мы еще так не живали, т.к. пройдем трудное испытание войны, и мы с тобою оба это испытание с честью выдержим, неправда ли, хорошая моя Шурочка? Ты просто у меня герой.

Затем, до свидания. Пиши мне как все вы живете, как ваше здоровье. Большой особенный привет маме. Крепко, крепко поцелуй за меня ребятишек, Жеку, Мишу, Борю, а так же привет Вале, Леле и квартиранту. Целую тебя милая Шурочка крепко, крепко, крепко. Вася.

6. 20 декабря 1943 г.

Здравствуй дорогая и милая моя Шурочка!

Шурочка, получил от тебя письмо, за которое очень благодарен; так же и за то, что ты регулярно отвечаешь мне на каждое мое письмо, и я часто и с удовольствием получаю от тебя

письма, которые я перечитываю с удовольствием несколько раз, насколько мне дороги каждые письма; но и каждая строчка, каждая буква, писаная твоею хорошенькою ручкой.

Шурочка, я прекрасно понимаю тебя, что ты меня жалеешь, знаю, так же, что питаешь ко мне самые лучшие чувства, которые имеет вообще человек, и эти чувства кому-нибудь отдаются. Вот ты, конечно, точно так относишься ко мне, это Шурочка я прекрасно понимаю. В свою очередь, ты дорогая, прекрасно так же понимаешь, все хорошее, что я имею в своей душе, принадлежит тебе, только тебе и больше никому не может принадлежать. На всю мою жизнь, сколько бы она не длилась, если мне суждено помереть своей смертью, то мои чувства я смогу передать тебе устно, находясь и живая с тобою вместе, на которых ты сможешь сама убедиться, как они возросли и окрепли, переживя все тяготы войны, живя в разлуке, более скрепили нашу дружбу как мужа и жены, которые готовы делить радость и горе между собой, и после этого я прекрасно знаю, никакое горе не может насколько-нибудь поколебать нашу взаимность, по-моему, так это моя дорогая Шурочка!

Если же мне сужденного пасть смертью храбрых на поле боя во имя защиты нашей родины, нашего народа, во имя моей семьи, то все хорошие мои чувства, принадлежащие к тебе и останутся со мной, место никому больше там не было и не будет, если со мной что случится, то губы мои запечатлятся с дорогим, любимым мне именем «моя Шурочка!» Это я не просто так пишу, лишь бы писать, а пишу все, что оно может быть. На самом деле, в моих письмах нет лишних слов, я пишу все, что есть у меня в душе, что я чувствую на сегодняшний день, в момент моего ответа к тебе, моя дорогая, милая Шурочка!

Шурочка, прошу тебя, очень прошу, береги, пожалуйста, сама себя, не транжирь свое здоровье, свои нервы, они тебе

пригодятся впереди. Прошу тебя, во имя себя, во имя наших замечательных детишек, воспитывай, дорогая их так, чтобы они тебя любили всю свою жизнь, после не приходилось получать от них ненужные упреки, которые очень горьки для родителей.

Дорогая Шурочка, не обижайся на мою мать, по возможности заходи к ней, хотя ты согреешь добрым словом, которого мать не получает от своих дочерей, от моих сестер, мне это очень прискорбно, а также уже не забывай, если уж очень, так ты и уступи, потому что это мать, а матери очень горько слышать по отношению к себе неприятное.

Песня, сочиненная отцом и танкистами Северо-западного фронта в 1943 году (прислал отец Бочков В.М.) на мотив песни «Раскинулось море широко»

1. Над Родиной коршуном взвился фашист,
   Разруху и смерть всюду сея
   Но сел на машину советский танкист,
   Чтоб Гитлера свору рассеять.

2. Механик – водитель возьми рычаги
   С отвагой пойдем на фашистов,
   Чтоб в яростной злобе косились враги
   От наших советских танкистов.

3. Жена дорогая ты слезы не лей
   Я жив, но не скоро приеду
   Утешь, приголубь моих малых детей
   А мне пожелай лишь Победу.

4. Утешь, приголубь мою старую мать,
   Ей будет всех больше больнее,
   Скажи ей, что словно в бою погибать,

Танкисты без страха умеют.

5. Но, если в жестоком кровавом бою,
Я, может быть, выйду из строя.
Ты в детях воспитывай доблесть мою.
Скажи им, что пал я героем.

Переписала дочь В.М. Бочкова, Е.В. Никольская, 11.03.2005 года.

7. 3 января 1944 г.

Здравствуй дорогая и милая моя Шурочка!

Прежде всего, благодарю тебя дорогая моя за твое письмо и за твою искренность и нежность ко мне. Шурочка, невольно хочется написать тебе песенку фронтовую из кинофильма «два товарища», пишу текст этой песенки.

Темная ночь, только пули свистят по степи,
Только ветер шумит в проводах,
Тускло звезды мерцают.

В темную ночь ты, любимая, знаю, не спишь,
И у детской кроватки тайком ты слезу утираешь.
Как я люблю глубину твоих ласковых глаз!
Как я хочу к ним прижаться сейчас губами!
Темная ночь разделяет, любимая, нас,
И тревожная, черная степь пролегла между нами.

Верю в тебя, в дорогую подругу мою,
Эта вера от пули меня темной ночью хранила.
Радостно мне, я спокоен в смертельном бою,
Знаю, встретишь с любовью меня, что б со мной ни случилось.

Смерть не страшна, с ней встречались не раз мы в степи.
Вот и теперь надо мною она кружится.
Ты меня ждешь и у детской кроватки не спишь,
И поэтому знаю: со мной ничего не случится!

Дорогая моя Шурочка, эта песенка распространена здесь у нас на фронте, слова ее замечательны и мотив, особенно, если ты не смотрела этот фильм, то при удобном случае, советую посмотреть. Милая Шурочка, я просто напросто чувствую это, жить тебе сейчас стало еще труднее, не правда ли? У меня просто сердце болит о тебе, как ты только тянешься, как только все переживаешь, как только все переживаешь, просто мне тебя, дорогая, жаль, губы кусаю, как мне бы лучше тебе помочь, мало-мальски облегчить твое материальное положение. Пишешь и думаешь, вот гад Гитлер, не дал как следует пожить народу, а от этого еще больше является злость на вшивых немцев, не вышло у них, что думали, гады. Некоторым суждено пасть на поле боя во имя защиты своей родины, во имя великого нашего народа, его и они гады получают, да еще и получать по заслугам. Дорогая моя Шурочка, чем вызвано, что ты не упоминаешь мне, получила ли ты деньги, посланные мною тебе в сумме восемьсот рублей или же получила, но забыла сообщить. Прошу тебя, по возможности сообщить мне, если уже тебе некогда писать мне писем. Дорогая Шурочка, я это письмо тебе пишу второе на одно твое письмо, почему так? Потому что ждал, ждал от тебя письма и по сегодняшний день нет ни ответа, ни привета, дак я просто напросто невтерпеж и решил написать вторично, думая возможно первое письмо мое к тебе не дошло, а возможно твое молчание вызвано другими, более вескими причинами. Надеюсь, ты дорогая ты мне сообщишь. Затем, дорогая милая моя Шурочка до свидания, крепко поцелуй за меня детишек. Жеку, Мишу, Борю.

Большущий привет маме, а так же Надежде, Леле, Вале, Поле, Тане и безсчетно раз и крепко, крепко целую тебя дорогая. Остаюсь, крепко тебя любящий Вася.

8. 26 июня 1944 г.

Здравствуй дорогая и милая моя Шурочка! Шурочка, хотя от тебя и не получал ответа на предыдущее мое письмо, но сегодня счел необходимым черкнуть тебе, моя дорогая, несколько строчек, в чем это причина? Вдруг ни с того ни с сего и начал писать, не получая от тебя письма. Возможно завтра и не позднее послезавтрашнего дня Шурочка, придется ехать на опасное дело для жизни, но почетное для родины, вероятно тебе вполне ясно, какое это опасное дело, оно исчисляется тремя буквами, входящих в одно слово, так слово это называется бой. Вот моя дорогая, поэтому то я сегодня счел необходимым написать письмо. 26-го января 1944 года в двадцать часов сорок минут по московскому времени. Шурочка, сегодня получил письмо от мамы, ничего особенного не пишет, за исключением того, что дочери ее обижают, не утешат ласковым словом, поэтому она пишет, очень скучает по мне, хочет услышать доброго слова хотя бы от меня. Как ни говори, проживешь у матери, дурным словом ее не оскорбляй. Конечно, Шурочка не приятно, и жаль мать, что мои сестры, ее дочери так к ней относятся, все-таки какая никакая она мать, вырастила нас балбесов, между нами говоря, я их за отвратительное отношение к матери называю сволочами. Опомнятся потом, но поздно будет. Об этом хватит, много заговорился. Шурочка, седьмого февраля этого года Кока будет именинница, прошу тебя, поздравить ее за меня с днем ангела. Этот день каждого года мне памятный, не плохо я гулял у Коки Феши при жизни ее мужа дяди Сережи, да и после его смерти она ведь при этом хороший человек.

Шурочка, меня очень беспокоит здоровье заволжской мамы, хотя она и преклонных лет, но ее можно поддержать и духовно, т.е. не расстраивать ее, а стараться утешать, ну, конечно, по возможности и материально поддерживать, я то уже на тебя надеюсь, что ты в этом отношении замечательный человек и мать, в обиду не дашь, только так это правда ведь? Так же меня беспокоит здоровье моих ребятишек и особенно твое здоровье, моя дорогая. Как тебе тяжело жить, воспитывая наших хороших детишек, вот уже ты выполняешь эту миссию два года три месяца.

Затем до свидания моя милая, дорогая, хорошая Шурочка, большой привет маме, детишкам Жеке, Мишенке, Боре, затем Леле, Вале, Надежде и постояльцу. Остаюсь крепко тебя любящий Вася. Целую тебя бессчетно раз, дорогая моя.

9. 8 марта 1944 г. – фронт

Здравствуй дорогая и милая моя Шурочка. Шурочка, сегодня от тебя получил письмо, за которое очень и очень благодарен. Сейчас, дорогая писать больших писем некогда, сейчас воюем с большим успехом, гоним гада немца, даем, что, называется, ему и в хвост и гриву, бежит гад, не может опомниться после долгих боев, машина находится на ремонте. Шурочка, в освобожденных регионах люди радовались нашему приезду, встречали, плакали, целовали, угощали всем-всем, выпивкой и закуской, вот как им насолил немец. Пока дорогая я жив и здоров, хотя из экипажа и имеются потери. Затем до свидания дорогая и милая Шурочка, целуй за меня детишек: Жеку, Мишу, Борю, большой привет маме, Вале, Леле, Надежде. Остаюсь крепко тебя любящий Вася. Целую тебя крепко и бессчетно раз.

10. 16 мая 1944 г. – фронт

Здравствуй дорогая и милая моя Шурочка!

Шурочка, вчерашний день получил от тебя письмо, писанное тобою седьмого мая, очень благодарен тебе за такое хорошее любовное отношение ко мне, благодарен моя милая и за то, что за такую долгую разлуку ты меня не забываешь, а наоборот, дружба наша крепчает с каждым днем сильнее, потому, моя дорогая, после войны заживем еще лучше, еще дружнее, чем было до войны. Война научила, как нужно ценить жизнь, как необходимо рассудительно жить, как нужно любить жизнь, ибо она дается человеку всего лишь один раз. Я, Шурочка, люблю жизнь, хочется жить, но если придется и потребуется, то можно и умереть за жизнь, не правда ли, моя дорогая? Да, моя дорогая, одно утешение у меня это ты, твоими воспоминаниями, я, собственно говоря, и живу. Вспоминается все хорошее, что ты моя дорогая для меня делала. Шурочка, обо мне не беспокойся, я живу хорошо. Затем до свидания. Большой привет маме, очень и очень рад, что она жива и здорова. Целуй за меня Жеку, Мишу, Борю. Привет Леле, Вале, Надежде. Крепко, крепко целую тебя, Вася.

11. 20 июня 1944 г. – фронт

Здравствуйте моя родная семья и моя милая Шурочка! Хотя ответа от тебя и не получал, но не вытерпел, решил сейчас черкнуть тебе письмишко, захотелось поговорить с тобою в письменной форме. Сам жив и здоров, чувствую себя прекрасно, лишь один недостаток, тоска по родине, по своей семье, по тебе, моя дорогая, аж с ума схожу, образ твой из головы у меня не выходит. Еще жаль мне вас всех, потому что, жить – то тебе, моя милая тяжело, ох как тяжело, это я прекрасно понимаю, а поэтому – то еще скучнее мне делается без тебя моя милая, родная Шурочка, только и успокаиваешь сам себя, что скоро увидимся и на всю нашу жизнь не расстанемся, неправда ли дорогая. Меня интересует, заходит ли к тебе Жека или вообще кто-нибудь из города или нет. Шурочка, как мне хотелось бы сейчас побыть

дома, поотдохнуть в убранном доме. Вот сейчас пишу тебе письмо и вспоминаю каждую мелочь в доме, все поставлено, прибрано твоими маленькими ручками. Знаешь, даже приятный запах уюта как будто я сейчас чувствую, ох, как хочется скорее домой! Чем больше в разлуке с тобою, тем больше страдаю по тебе. Шурочка, знаешь Вахнина Жени брат которого мать живет рядом с нами, дак он тоже танкист, дак вот он сгорел еще в конце марта или в начале апреля, это я сам, своими глазами видел, только не помню какое число, да и писать – то об этом не хотелось, славный был воин; ничего не сделаешь, война без потерь не бывает, не таким, дорогая. Затем, до свидания. Большой привет маме, детишкам Мише, Боре, Жеке, а также, Надежде, Вале, Леле. Обо мне не беспокойся, я живу хорошо. Крепко, крепко и бессчетно раз целую тебя, моя дорогая, милая Шурочка. Остаюсь тебя крепко, крепко любящий твой муж, Вася.

12. 19 августа 1944 г. – фронт

Здравствуй дорогая и милая моя Шурочка! Хотя от тебя письма и не получил, но все же сегодня решил написать тебе письмо, пока на это есть возможность, чтобы успокоить тебя, моя дорогая. Конечно, после жарких боев я остался жив, здоров, ну, и тебе известно, что ты стала женой орденоносца. Какая это великая честь. Моя дорогая Шурочка, тебе я выслал деньги, в сумме девятьсот рублей, как получишь, сообщи мне. Шурочка, обо мне ты не беспокойся, такие как я нигде, никогда не пропадут, так что найдется, вернусь домой, хотя и являюсь непосредственным участником боев. Шурочка, прошу тебя, дорогая, береги сама себя и детишек, как ни говори, я – то один. Как говорится, бедна голова, да одна. Затем, дорогая, до свидания. Крепко поцелуй за меня детишек. Привет всем родным. Крепко целую тебя, моя любимая. Остаюсь твой муж, Вася.

13. 26 октября1944 г. – фронт

Здравствуй дорогая, милая моя Шурочка! На днях получил от тебя письмо, на которое отвечаю только лишь сегодня. Долговато я тебе не писал. Видишь ли, со мною было небольшое ненастье. Знаешь, дорогая, меня точно 22 дня назад контузило, особенно болела голова, и почти совсем не говорил, остальное было все в порядке, но сейчас чувствую себя хорошо. Вчера выписался из медсанбата опят в свою часть, но удивительно одно, жив из экипажа остался я один, остальные мои товарищи пали смертью храбрых. Шурочка, сегодня я получил второй орден, орден отечественной войны II-ой степени. Шурочка, правда, я тебе не отсылал денег, да едва ли скоро смогу выслать, т.к. с моим окладом получилось нехорошее. Шурочка, если нечем или трудновато будет с деньгами, продавай, с меня все не жалей. Затем до свидания. Большой привет маме той и другой, Коке Феше, дяде Васе, Надежде, Леле, Вале и дорогим моим ребятишкам. Скажи им, что скоро война кончится, и папка к ним приедет и привезет им гостинца. Посылаю тебе фотокарточку. Целую тебя безумно и крепко. Остаюсь твой муж, Вася.

Г. Кострома, Слобода, металлистов, кривой переулок, дом №8, Бочковой А.А. П.П. 36441, Бочков.

14. 22 ноября 1944 г.

Здравствуй дорогая и милая моя Шурочка! Шурочка, письмо от тебя получил, за которое очень и очень благодарен. Шурочка, я высылал тебе с себя фотокарточку, не знаю, получила ты или нет, ты мне об этом ничего не упоминаешь. Шурочка, ты пишешь, что долго от меня нет писем, то это возможно причину задержек писем с моей стороны. Я тебе сообщал в предыдущем письме. Да, дорогая, вполне сознать тяжесть твоего положения, которую ты переносишь в течение трех лет, конечно, как мне нетяжело, не я один, правда дума по моей семье, и по тебе, моя

милая не дает мне покоя. Я тоже так же думаю, скоро ли всему этому будет конец, скоро ли мы вновь с тобой увидимся. Конечно, на это я не теряю надежды, а встреча наша должна быть в скором будущем, т.к. конец войны уже не за горами. Я, тебе уже, дорогая, сообщал, что меня наградили вторым орденом, орденом отечественной войны, так что можешь гордиться своим мужем. Воюем так, как положено русскому человеку, отстаивающему честь и независимость нашей необъятной родины. Дорогая моя, вероятно, на октябрьскую ты была в городе, прошу, сообщи, как провела время, как живут все городские. Единственное меня радует, это, что наши детишки живы и здоровы, а так же и ты, моя дорогая – в чем и заключается моя жизнь, не правда ли! Шурочка, передай большой и особенный привет от меня маме, скажи, что скоро встретимся и будем опять жить все вместе. Привет от Михайловича, я слыхал, что он находится под Варшавой. Затем, до свидания. Большой привет детишкам: Жене, Мише, Боре. Леле, Надежде, Вале. Остаюсь крепко, крепко любящий Вася.

15. 14 января 1945 г. – Фронт

Здравствуй моя милая Шурочка! Сообщаю, во-первых, пишу тебе письмо правой рукой, но четырем пальцам ох, как паршиво писать, ты это можешь угадать по почерку. Да, дорогая, побывал я за войну кое-где, и в Латвии и Литве, и Эстонии, а сейчас под Варшавой. Очень и очень соскучился по тебе, моя милая, вижу и представляю твой образ везде: в душной и грязной землянке, в мороз на снегу, в холодном танке. И везде я тебя вижу всегда милой, хорошей, как я тебя знал до сегодняшнего дня. Затем, до свидания, привет детям: Жеке, Мише, Боре; маме, Леле, Наде и Вале. Целую, Вася.

г. Кострома, Костромская обл., слобода «металлистов», кривой переулок, д.8, Бочковой А.А. Полевая почта 93681 «е» Бочкову В.М.

16. 30 января 1945 г. – Фронт

Здравствуй дорогая и милая моя Шурочка! На днях получил от тебя открытку, за которую и благодарю. Конечно, всего чего следует, ты мне в ей не описала. Мне ясно только лишь одно, что жизнь твоя очень и очень трудная, в тысячу раз труднее, чем ты мне пишешь в письме, это я прекрасно понимаю, и, разумеется, напишу тебе. Я сегодня выслал посылку, там, правда, подходящего тебе очень мало, но зато ценно, и что ты можешь продать и купить то, что тебе необходимо. Моя жизнь, конечно, и безусловно трудная и давно давно-давно надоевшая, об этом может знать один бог. Но я думаю, и ты, моя милая прекрасно понимаешь наши фронтовые трудности. Ох, как тяжела и безотрадостна моя жизнь. Как хочется к тебе, как хочется к своей семье, конечно, это не опишешь в письме, да и сказать очень трудно это, только можно все пережить. Жаль тебя, Шурочка, но порою жаль становится и самого себя. Как вспомнишь, что пережито за всю войну, сколько горести, страдания пришлось перенести и переносить еще больше. Затем, до свидания моя милая Шурочка. Целую тебя миллион раз, твой Вася.

17. Восточная Пруссия, фронт. 15 февраля 1945 г.
(последнее письмо)

Здравствуй милая моя Шурочка! Сегодня выпала возможность черкнуть тебе письмишко. Сообщаю, хотя я и в предыдущем сообщал: выслал тебе посылку, правда дамского и детского там ничего нет, но с получением прошу все продать, чтобы купить все необходимое для тебя и детишек, плюс к этому выслал деньги, триста пятьдесят рублей. В общем, сделал все, лишь бы облегчить твое материальное положение и наших хорошеньких детишек. Ты там можешь подумать, что я лишь забочусь о вас, то это ничего подобного. Если есть время у меня, все мысли направлены заботой о вас, милых моих, короче говоря, о моей родной и близкой семье.

Это искренняя правда, дорогая. Затем, до свидания, привет детям: Жеке, Мише, Боре, а также маме, Леле, Вале. Целую тебя тысячу раз, твой Вася.

Дроздов Иван Давыдович

Рассказывает Шестаков Юрий Владимирович: «Родился в 1903 г. в д. Ванда Вологодской области. Перед войной с женой Дроздовой Евдокией Федоровной приехал в Озерки (около Ленинграда). Хотел поступить в военное летное училище. Но поступить не удалось и начал работать на одном из военных заводов в городе Ленинграде. В 1936 году в их семье родилась дочь – Дроздова Зоя Ивановна, в 1939 году родился сын – Дроздов Вячеслав Иванович. Со слов дочери Дроздов Иван Давыдович воевал в Красной Армии, в годы гражданской войны. В 1941 году 22 июня началась Великая Отечественная война. В августе 1941 года Дроздов И.Д. призван в Красную Армию, на фронт.

По рассказам Дроздовой Зои Ивановны (которой в 1941 году было 5 лет) перед блокадой Ленинграда, летом 1941 года из города начали вывозить детей. Руководством города издан указ о вывозе в тыл детей, без родителей в Сибирь, а их родные, в основном мамы направлялись на рытье окопов и других оборонных сооружений города Ленинграда. Одежда вывозимых детей была подписана (Ф.И.О., возраст, родители). В августе 1941 года фашистские самолеты разбомбили эшелон с детьми, многие дети погибли, и мамы выступили против вывоза детей без родителей. Издан указ о вывозе детей только с родными туда, где

живут их родные. Дети Дроздова И.Д. (Зоя и Слава) в августе 1941 года тоже были подготовлены к вывозу из Ленинграда в сибирские города. Город уже неоднократно бомбили. Зоя Ивановна помнит, что во время бомбежек прятались с братом и мамой в окопах. Из Ленинграда ее, маму и брата вывезли в августе 1941 года, а в сентябре 1941 года началась блокада города. Во время эвакуации немецкие войска дошли до города Тихвина Ленинградской области и хотели захватить Октябрьскую железную дорогу, по которой эвакуировались из Ленинграда женщины, старики, дети. Из окна поезда дети видели взрывы, слышали канонаду. Вместо 7 часов до Вологодской области, поезд шел 7 дней. Одна мама чуть не отстала от поезда. Пошла за водой, а поезд начал отходить. И только удалось заскочить на ходу в последние вагоны. Евдокия Федоровна, жена Дроздова Ивана Давыдовича, Зоя и Слава приехали в 1941 году в д. Ванда Вологодской области, затем переехали в город Бабаево. В 1943 году получили известие, что Дроздов Иван Давыдович пропал без вести под Ленинградом. В семье сохранились 11 писем солдата. Уже после войны в 1947 году Евдокия Федоровна приехала с детьми в Озерки, где у них с мужем был дом. Увидела, что дом разрушен и снова вернулись в Бабаево. В 1952 году семья приехала в Кострому».

Письма семье.

1. 12 августа 1941 года. Озерки.

Здравствуйте, Дуня, Зоя, Слава. Почему-то вы не хочете написать мне? За всё время ничего не получил. Живы или нет, не знаю. Сегодня я получил получку и послал вам денег переводом 300 рублей. Пока жив здоров. Как я писал уже вам, нахожусь в Красной Армии. Стоим пока при заводе. Возможно, скоро переедем в другое место. Пока в заводе буду получать зарплату сам, а дальше видно будет возможно, будем получать в порядке

пособия – об этом пока ничего не известно. Сегодня выходной день приехал в Озерки, но никого не видно. Лены тоже там нет. Саша Соколов вернулся. Бариков Саша в Кр. Армии служит. Вскоре после вас. А больше ничего особенного нет. Пока до свидания. Будьте здоровы. С приветом к вам И. Дроздов. Передайте привет всем нашим родным Анюте, Марфуте и гришиной семье. Целую крепко Зою, Славу. До свидания.

2. Озерки Ленинград.

Добрый день, Дуня, Зоя, Слава. Письмо я пишу на колхоз «Красная Нива». Что-то вы совсем застряли, ничего мне не пишете – живы или нет. Я писал одно письмо на Марфуту и Анюту, не знаю, получили или нет.

Ну, о себе сообщаю, пока жив, здоров. Но сегодня вызывали в военкомат выборгский, сказали, пойдёшь в Красную Армию. Вот 31-го надо совсем являться. Но дело в том, что расчёта с завода не оформляют, а будете получать по доверенности зарплату. Вот завтра поеду в завод говорить насчёт этого дела. Ну, пока больше новостей нет. В Ленинграде в эти дни спокойно, тревоги нет. Соседка Лена ходит на спецработы землю копать. Стёпа тоже ходит дня по два. А Саша Ленин уехал тоже седьмой день на укрепления работать. Малинины и Ваня с Груней уехали с Ленинграда 30-го.

Ну, теперь сообщаю, что уже второй день нахожусь на военной учёбе. Стоим пока ещё при заводе. Занимаемся, а потом, куда потребуется. Ну, а деньги зарплату пока я буду получать сам. С получки пошлю вам. Куда будут отправлять – напишем перевод, или доверенность пока.

Будьте здоровы. Дуня, постарайся как-нибудь сохранить ребят. Не перекармливай разными ягодами и грибами. Если с хлебом очень плохо, то в Бабаево наверно дают. Письмо

отправляю без марки. Марки не случилось. Пишу второе, наверно, не доходит.

3. 25 сентября 1941 года.

Действующая армия.

Здравствуйте, уважаемые Дуня, Зоя и Слава. Вам, наверно, известно, что я нахожусь на фронте на защите города Ленинграда. Пока жив, здоров ввиду того, что наша Кировская железная дорога отрезана от Ленинграда немцами. Я до сих пор ничего не сообщал вам. И это письмо пишу надвое – дойдёт или нет. Здесь нахожусь скоро месяц как, не был в Ленинграде. Хотелось бы от вас что-нибудь получить – ответ, живы или нет.

Ну ладно, такой период не для нас одних. Жизнь-война. Останемся живы, тогда и будем говорить о будущем. Дуня, я посылал деньги ещё с Ленинграда два раза 300 руб. и 250 руб. Не знаю, получила или нет переводы. А сейчас, пока буду находиться здесь, 300 рублей в месяц будут наша часть высылать вам. Только за этот месяц я получаю сам. А переслать, не знаю, смогу ли или нет. Не знаю, как вы там прокормитесь. Но всё же ладно, что уехали. В Ленинграде вам сейчас труднее было бы.

А у меня пока одно обмундирование, всё еще летнее, не знаю, когда дадут. Придётся, верно, направиться на кочевку зимы. Ну, об этом пока говорить не приходится вперёд. Само покажет. Сейчас идут решающие бои за Ленинград.

Пока до свидания. Будьте здоровы. Пожелаю вам здоровья. Счастливо продолжить жить. Передайте от меня всем нашим привет Марфуте, Анюте и Гришиной семье. В случае получения письма пиши, Дуня, срочно, адрес есть. Действующая армия. Полевая П-с 456 638 с-п. 3-ей роты 2-й взвод к-ц Дроздову.

4. 7 января 1942 года.

Военгоспиталь.

Здравствуйте, уважаемые Дуня, Зоечка, Славик. Письмо я ваше получил, но отписать никак нет всё возможности с передвижением. А сейчас о себе сообщаю, что сильно ослаб. Лежу в госпитале от недостаточного питания, упадок сил. Думал вам писнуть, чтоб насчёт сухариков. Да сейчас, Дуня, не старайтесь, неизвестно, как дело пойдёт на поправку. Или отправят, возможно, в другое место, то сообщу.

Не знаю, регулярно или нет получаете деньги, и за все ли месяцы отсылали. Передай привет Гришиной семье. Дуня, если вы малоподходяще питаетесь, то счастливы, что выехали с Ленинграда. Обрати самое серьёзное внимание на питание, не замори ребятишек. Если есть на деньги купить что, не экономь.

Для всякого случая писни, Дуня, письмо по адресу. Возможно, здесь ещё пролежу. Адрес так: полевая почта станция 682 (эта строчка перечёркнута).

А лучше, Дуня, обожди писать. Я сообщу вскорости, а то все ожидаем новые передвижки. И. Дроздов. Будьте здоровы.

5. Действующая армия.

Здравствуйте, Дуня, Зоя, Слава. Шлю вам всем нижайшее почтение. Желаю быть здоровыми. О себе сообщаю, что пока нахожусь жив, но здоровым не вполне чувствую, слабоват. Из госпиталя выписался в феврале. Нахожусь при части. Дуня, в отношении вас прямо не знаю, живы вы или нет. Писал вам письмо не одно в отношении денег. Сейчас новый приказ. С 1 января нам средний заработок не платят, получаем паёк и всё. Для этого я вам справку в письме посылаю, можете хлопотать пособие. Последнюю получку я получал в январе, а также и вам отсылал 300 рублей. А тут и ещё стряслось случай. Когда лежал в госпитале, у

меня вытащили бумажник с деньгами 500 рублей. Хотел отослать вам, но не успел. Здесь у нас деньги очень дешёвые, нечего на них брать. Ну, затем будьте здоровы. Привет всем Гришиной семье, Анюте и Марфуте. Ну, пока всё. Будьте здоровы. С приветом к вам И. Дроздов. Дуня, получишь письмо, пиши. Адрес так. Действующая Кр. Армия. П.П.С. 682 Авторота. Кр-цу Дроздову.

6. 9 сентября 1942 года.

Действующая Кр.Армия

Здравствуйте, Дуня, дочь Зоя, Вячеслав. Я должен признать, что связи с вами не имею уже давно, т.е. писем от вас не получаю и не знаю, кто из вас жив или нет. Теперь о себе сообщаю, что я пока жив и здоров. Нахожусь на фронте Ленинградском. Я удивлён, почему никто не хочет письма написать, или вообще и мои письма не доходят. Писал я, хотя не много, но сообщал с мая месяца. Писал письма четыре, но от вас не получал ни одного письма. Ну, особенного писать больше нечего. Когда получу от вас письмо, то сразу же сообщу, если буду жив. Передай, Дуня, привет всем нашим родным и знакомым. Затем до свидания. Будьте здоровы. Известный вам Ив. Дроздов. Адрес так 20 полевая почта станция 65сп трофейная команда к-цу Дроздову.

Пометка на письме: (Просмотрено военной цензурой)

7. 21 сентября 1942 года.

Ленинград.

Здравствуйте, Дуня, Зоя, Славик. О себе сообщаю, что пока жив, здоров. Пишу письмо из Ленинграда. Приезжали на слёт ударников. Были в доме Красной Армии, ночевали у товарища знакомого. Время было так мало. В Озерки так и не удалось съездить. Что сделаешь. Не знаю, в каком положении там наш дом и кто есть живой.

От вас ничего, Дуня, не получаю. Не знаю, живы ли вы или нет. Если получишь письмо моё, то постарайся сообщить, в каком положении вы находитесь, буду ждать. Больше писать нечего. Сейчас едем обратно на фронт. Затем до свидания. Будьте здоровы. С приветом к вам И. Дроздов. Адрес так: 20-я полевая почтовая станция. 147 С.П. Трофейная команда. Кр-цу Дроздову.

8. 11 марта 1943 года

Здравствуйте, уважаемые Дуня, дочь Зоя и Вячеслав Иванович. Шлю вам нижайшее почтение и желаю счастливого успеха вашей жизни. О себе сообщаю, что пока жив, здоров. Изменений пока резких нет. Я сильно беспокоюсь о вас, потому что письма от вас давно не получал, а писал вам несколько. Не знаю, все ли живы и как здоровье ребят. И как живёт семья Гриши и дома он или взят в Кр. Армию. О всём этом, Дуня, прошу сообщить, если получишь. И как дела обстоят у вас с питанием и вообще, какие есть затруднения и что есть новое. Адрес старый. 20 полевая почта. Часть 852. Дроздову и.Д. Получите – пишите, буду ждать. Ваш И. Дроздов.

9. 6 июля 1943 года.

Здравствуй, милая Лидочка. Письмо ваше я получил сегодня. Сразу же пишу ответ, за что много вас благодарю, что меня не забываете, а если буду жив, я тоже не забуду вас. О себе сообщаю, что пока жив и здоров. Затем большой от меня привет всей вашей семье, и Дуне с Зоечкой, Славой. Писем хотя от вас, Дуня, не получаю уже давно, ну что сделаешь. Уж такая наша судьба и чем она кончится не известно. Пока занимаемся, усиленно изучаем военное дело добивать немцев. Если не мы, то вы будете смотреть будущую жизнь. А наше дело до конца защищать – дело чести. Из Ленинграда письма давно не получал, не знаю как она

живёт. Ну, дорогие, будьте здоровы. У меня всё пока адрес старый. Полевая почта 86756 – т. Дроздову.

А теперь у всех мысль одна: чем скорее добьём немцев, тем скорее кончим войну. Ну, Лидочка, до свидания. Всё прошу не забывать извещать. Ваш Дроздов И.Д. Пишите письмо, как получите.

10. 27 июля 1943 года.

Пометки: «Воинское», «Смерть немецким оккупантам!»

На полях типографский текст: «Воины Красной Армии! Вас ждут как освободителей миллионы советских людей, изнывающих под немецко-фашистским игом. Вперёд на Запад, за освобождение советской земли!»

Куда: Бабаево, дер. Ванда.

Кому: Дуне, Зое, Вячеславу

Обратный адрес: полевая почта 86753 Дроздову Ив. Давыдовичу.

Здравствуйте, уважаемые Дуня, дорогая дочь Зоя Ивановна и сын Вячеслав Ив.

Шлю я всем горячий привет наилучших пожеланий. О себе сообщаю, что я пока жив и здоров. Ну вот не смотря на то, что писем я от вас не получаю давно, писать хотя редко, но пишу. Возможно вы, Дуня, и не получали ни одного письма по этому адресу. Если получишь, пиши – буду ждать. Как ваша мирная жизнь? И все ли здоровы? Я буду благодарен.

Ну, больше писать нечего. Пока резких изменений нет. Готовимся к решающим боям с врагом.

Передай, Дуня, от меня (привет) всем нашим родным, Гришиной семье. Затем до свидания. Будьте здоровы. Адрес так: полевая почта 867 56 к. Дроздов

11. С пометкой «Воинское», «Смерть немецким оккупантам!»

Куда: Вологодская область, Бабаевский район, Сороки

Добрый день, дорогие Дуня, дочь Зоя Ив., Вячеслав Иванович. Пишу это маленькое письмо и пожелаю вам всего вашей будущей счастливой жизни. О себе сообщаю, что пока жив и здоров, но скоро идём выполнять боевую задачу. Какая будет судьба – после сообщу, если буду жив. Так что пока, Дуня, писем не пишите. Ждите от меня. Передайте привет всем родным. Ещё раз до свидания. Известный вам Дроздов.

Коротков Борис Павлович

Родился 8 октября 1924 года. 11 ноября 1941 года вступил добровольцем в 234-ю Ярославскую коммунистическую дивизию в разведроту. Участвовал в обороне Москвы, Калининской и Смоленской областей, принимал участие в Орловско-Курском сражении. Был неоднократно ранен. В 1942 г. после ранения направлен учиться в Львовское военное училище. По окончанию училища получил звание «лейтенант», затем назначен командиром взвода. С сентября 1943 г. Коротков Б.П., после очередного ранения, направлен проходить службу в органах государственной безопасности. В апреле 1945 г. по личному рапорту направлен в запасный офицерский полк в

Наро-Фоминске, потом служил в Берлине в качестве командира взвода, роты, в звании старшего лейтенанта. Уволен в запас в 1946 году по инвалидности вследствие ранения. За героизм и мужество, проявленные в годы войны Коротков Б.П. награжден: орденом «Отечественной войны 1 степени», орденом «Красной звезды», медалями «За отвагу», «За оборону Москвы», «За победу над Германией в Великой Отечественной Войне».

В мирное время трудовую деятельность Борис Павлович посвятил здравоохранению и педагогике. В Кострому он вернулся в 1949 году после окончания Львовской зубоврачебной школы. Трудовой путь начал зубным техником, затем начальником цеха областной стоматологической поликлиники, зубным техником поликлиники УВД. Одновременно Борис Павлович преподавал в Костромском медицинском училище.

Трудовую деятельность окончил в 80 лет. Коротков Б.П. более 20 лет являлся бессменным председателем комиссии по военно-патриотическому воспитанию молодежи Димитровского Совета ветеранов. За отличную работу удостоен звания «Заслуженный рационализатор Костромской области», награжден медалью «Ветеран труда» и многими юбилейными медалями. Неоднократно был отмечен знаками за победу в социалистических соревнованиях. Звание «Почетный гражданин города Костромы» присвоено в июле 2010 года. Борис Павлович Коротков скончался 17 сентября 2016 года.

Из дневника воспоминаний о войне.

«Первая неудача»

Наша разведрота базировалась в деревне Починок-Хлопянский. В последних числах марта (числа 27-28). Нам было дано первое боевое задание – разведать расположение противника. Ночью в сильную снежную пургу ротой, на лыжах и в маскировочных халатах, двинулись в направлении близлежащих

населенных пунктов. Были вблизи бокового и головного дозора. Но получилось так, что головной дозор ушел и потерял видимую связь с ядром. Тогда для установления связи с дозором по приказанию командира роты Докукина, был послан красноармеец Иван Дементьев, который и пошел, чтобы догнать головной дозор в направлении населенного пункта. Продвигаясь вперед, Дементьев догнал человека в маскхалате и, считая, что это наш головной дозор, подошел к нему вплотную, окликнув, взял его за плечо. Но оказалось, что это был здоровенный немецкий часовой, который услышав русскую речь, схватил Дементьева в охапку и вместе с лыжами утащил в деревню, где стояла немецкая часть. Дементьев, зная, что у него в патронник винтовки был заслан патрон, как-то сумел оттянуть курок и сделал один выстрел, чтобы предупредить своих об опасности. Рота вернулась на свою базу в Починок-Хлопянский с первой горькой неудачей, потеряв своего товарища.

На второй день мы узнали от местного населения, что именно Дементьев так попал в плен, о чем он сумел передать жителям деревни, а они передали нам. Первая неудача послужила большим уроком для нас всех на дальнейшее. Мы стали бдительнее, прежде чем выполнять боевое задание, обдумывали каждый свой шаг и могущую опасность.

«Встреча с отцом»

Мой отец был командиром отделения в конной разведке 1350 стрелкового полка. Наша разведрота остановилась в деревне Починок-Хлопянский. Вдруг в наш дом прибегает мой товарищ Вячеслав Иванов и говорит: «Боря, тебя хочет видеть твой отец, он находится в доме напротив нас». Я сначала думал, что он хочет подшутить надо мной. Но сразу все побежали в дом, который мне показал Слава. Я, волнуясь, открыл дверь, в доме находились

бойцы и командир конного взвода. Навстречу мне быстро подошел папа. Мы обнялись. «Вот встреча!», – говорил отец. Потом тут меня накормили картошкой с мясом. Мы вышли на улицу и встали на сугроб у плетня. Через некоторое время у соседней деревни взвились синяя, зеленая и красная ракеты, и началась стрельба из пушек, пулеметов и винтовок. Уже вечерело. Это началось наступление одного из наших полков. Загорались дома в деревне один за другим, заревом окрасилось небо. Это немец, наступая, поджигал каждый дом. Уничтожал жилища наших советских людей. Отец мне сказал: «Вот смотри, сынок, что делают фашистские гады на нашей родной земле. Мы должны беспощадно уничтожать эту мразь». Я почему-то был спокоен, мне все это казалось какой-то большой игрой. Мы обнялись с отцом, он крепко поцеловал меня, сказав: «Крепче держись, сын», – и я ушел. В дальнейшем события развернулись так, что с отцом на фронте больше встретиться не пришлось, а этот памятный день запомнился на всю жизнь.

«Большое Мужицкое и Вервище»

В «большой полигон» мы пришли в 2 часа ночи, противника здесь не было. Получаем новое задание – разведать следующие деревни: Гаврово и Милютино. Пошли с большой осмотрительностью и настороженностью, готовые к любой неожиданности. В Милютине немцев не оказалось, они, почувствовав приближение наших частей, засели на более выгодных позициях – в деревнях Бор, Узвоз, Большое Мужицкое, Воронцово.

Один из взводов нашей роты под командованием младшего лейтенанта (фамилию забыл) и комиссара Трофимова, пронаблюдав за деревней Большое Мужицкое, решили броском ворваться в деревню, так и сделали. В деревне было около взвода

немцев. Разведчики, развернувшись в цепь, бежали и ехали. Фашисты испугались и пустились на утек в следующую деревню – Малое Мужицкое.

Наши разведчики деревни Б. Мужицкое заняли, это было около 10 часов утра, …марта, числа не помню. В роту прибегает связной. Подана команда «В ружье»! Тревога! Без бушлатов!». Приказ Докукина. Мы немедленно направились в Б. Мужицкое, по которому уже открыли огонь немцы. Но не удачно, снаряды делали перелет, как раз в нашу сторону откуда должны были выйти мы. Мы быстро обошли зону обстрела, и вошли в деревню Б. Мужицкое, где уже наши разведчики уже окопались в снегу. Засели на чердаках строек держали под наблюдением и обстрелом все подходы к деревне. К вечеру пришло пополнение – целый лыжный батальон, который занял Малое Мужицкое. Эта операция имела большое значение, т.к. мимо деревни Большое Мужицкое и Малое Мужицкое проходит большак на город Белый, т.о. Большак стоит под постоянным нашим наблюдением. Мы 9 дней занимали оборону этого шоссе, населенных пунктов, наблюдали и учитывали движения немцев по большаку, и систематически обстреливали большак. С правой стороны деревни было очень хорошо видно оживленное движение немецких автомашин на г. Белый и обратно. Немцы злились на нас и сильно огрызались. Они прямо на шоссе устанавливали пулеметы и пушки, из которых прямой наводкой били по деревне. Но и это им не помогало. Мы крайне затруднили им движение по шоссе. На 10-й день нас отвели в деревню Вервище. Утром мы вышли из деревни, а немец начал наступать на стоявший 2 стрелковый батальон 1350 стрелкового полка. Под нажимом превосходящих сил немцев, их техники и самолетов, артиллерии, танков, которые вытесняли роль самоходок, батальону пришлось отойти. В течении 2-х часов у с. Мужицкое была уничтожена, и ценой больших потерь фашисты

деревню заняли. А на другой день после артиллерийской подготовки и сильного обстрела из минометов стали наступать на дер. Вервище, где стояла наша разведрота. Мы дали сокрушительный отпор фашистам. А в болоте, где они наступали, образовалось много черных бугорков. Это были трупы немцев.

Вечером, когда все стихло, мы во главе с командиром роты Докукиным отправились на место боя в болото. Среди трупов мы обнаружили одного живого раненного в руку немца, который не захотел удирать, решил сдаться в плен. Взяв пленного, собрав оружие, документы немцев, мы благополучно вернулись в Вервище.

На поле боя мы взяли 4 пулемета, много винтовок, автоматов, одних крестов и значков принесли более 100 шт., по петлицам убитых фашистов можно было определить, что они разных родов войск и разных подразделений. Танкисты, артиллеристы, саперы и связисты. Вот эту разношерстную шайку бросили немцы против нас на дер. Вервищи.

«В плену у врага»

Разведроте было дано задание – в тылу немцев взорвать мост на шоссе, заминировать дорогу и расставить «сюрпризы» для немцев. Для минирования и проделывания проходов в минных полях нам прислали саперов. На выполнение задания нас повел сам Докукин. Отправились. Наступила ночь. Безоблачное небо, мерцают звезды, мороз. Проходим дер. Брехаловку и другие деревни. Жителей никого – все разбежались по лесам. В деревнях горят отопленные избы – это, по рассказам жителей, немцы мстят жителям за связь с партизанами. Дошли до русла замерзшей реки. С правой стороны идет шоссе. Через реку – мост. Подойдя к мосту, мы увидели, что он на половину разобран, и по нему не ездят, а дорога обходит с левой стороны. Докукин реши мост не взрывать,

т.к. для немцев не имеет никакого значения, а взрывчатку использовать более рационально. На дороге свежий накат автопокрышек, здесь недавно ходили автомашины к городу Белый. Вдруг послышался невдалеке шум мотора. Докукин быстро принял решение уничтожить ее. Мгновенно все разбежались по обочинам дороги, которая к мосту спускалась. Мы в белых халатах, слившись с окружающей местностью наверху от откосов дороги, замерли в ожидании. Вот показалась автомашина – фургон. Она на малой скорости, с потушенными огнями, осторожно спускалась к руслу реки на объезд моста. Раздался треск – заговорил автомат. Докукина, прострочившего всю машину вдоль, после этого сигнала, несколько человек метнули гранаты, две из них были противотанковые. Одна противотанковая граната попала прямо на радиатор, и от взрыва бака с бензином, всю машину охватило пламенем. И из фургона никто не выскочил. Мы стали быстро отходить в сторону леса. Вскоре мы видели, как на место происшествия приехали две автомашины с немецкими автоматчиками. Мы возвращались на свою базу, заминировав путь нашего отхода.

«Взрыв склада с боеприпасами»

В один из апрельских вечеров мы отправились на задание по взрыву артиллерийского склада, находившегося невдалеке от передовой немцев. Первая разведка должна была установить точное расположение склада. Пробравшись на заранее намеченную точку, но тут склада не оказалось. Стали делать поиск, наткнулись на блиндаж с немцами, которые находились в 200 метрах от леса. По-нашему предположению, это была охрана немцев. Сразу же мы обнаружили на самом краю леса, от блиндажей шла тропинка к лесу. Пронаблюдав до темноты, ночью мы установили, что немцы и не думаю проверять склад. Они стирали белье, чистили оружие –

2 пулемета и несколько винтовок, они ходили без оружия в лес и таскали к землянкам дрова. Здесь можно было легко взять ящики, но они были не нужны, т.к. наша задача была взорвать склад, и на другой день мы приступили к действию.

Загрузившись толом, в вещевой мешок – по мине, взяв с собой саперов, мы пошли. Все шло счастливо, добрались, заминировали все 3 штабеля снарядов. Это делал я с тремя бойцами. Раскрывал пороховые ящики и разрезал шелковые мешочки, вмещающие порох, вокруг ящиков на солому, а рассыпав, мы шли в охранение с южной стороны. Вдруг послышался тихий свист. По направлению к нам приближался свистящий человек. У нас было все готово. «Зажечь!». А сам, направив автомат в проход кустов, откуда шли немцы, разговаривающие на немецком языке. Я и славка Иванов тоже взяли проход под прицел наблюдения. Появились 4 немца. Когда они увидели пламя, а может и нас, бросились наутек. Докукин дал очередью, и мы с Ивановым тоже дали по очереди на проход. Докукин кричал: «Отход! Отход!». И сам факелом зажег баррикад. Шнур был 3 метра, чтобы ускорить взрыв штабелей снарядов, под которые были проведены концы детонирующего – по 50 метров. Мы бросились бежать в противоположную сторону. Докукин бежал последним. И, примерно пробежав 200-300 метров, приказал рассредоточиться и наблюдать во все стороны. Мгновение, и 4 взрыва почти одновременно раздались, разбрасывая далеко их снаряды и их осколки, т.к. некоторые взрывались от удара о землю, а большинство взрывались от общей детонации. От взрывов взвились большие клубы дыма, а от горящего пороха пламя бушевало над лесом огненными языками. Немцы открыли огонь из пулеметного калибра по пути нашего отхода. Почти на всем участке застрочили пулеметы и простреливали лес. Но уже

поздно! Мы приближались к дер. Гаврово, любуясь результатом своей работы.

Придя в свое расположение, мы встретили возгласы одобрения наших товарищей: «Ох, молодцы! Ох, молодцы!». Боевая задача была выполнена отлично, что отмечалось в газете «За Отчизну», и были объявлены благодарности от командования дивизии участникам этой операции.

«Немного не влип»

Нас перебросили на левый фланг дивизии на реку Берелезовку д. Селище и хутор Берелезовка. Перейдя через реку, мы остановились в хуторе, за которым невдалеке были немцы. Здесь мы действовали как хозяева немецкого тыла: перерезали кабельные линии связи, чем причиняли им беспокойство. Из-за некоторой потери людей, меня назначили командиром отделения в 3-й взвод, где командиром взвода был лейтенант Стаценко Н.А., здесь же служил и мой друг костромич Слава Иванов. Лейтенанту Стаценко было дано задание разведать высоту, которая находилась между деревнями Делищем и другой деревней (как раз мы ее и заняли). Рано утром мы направились через болото в лес, шли мы по месту недавно проходившего боя, здесь было много трупов тех и других, валялось оружие. Я нашел в одном окопе вещевой мешок с надписью «Ромащенко». Это был мешок. Этот мешок был брошен однополчанином, командиром 1350 стрелкового полка. В мешке были консервы и другие продукты. Идя дальше лесом, и выходя на его опушку, мы увидели плетень, через который было видно высоту, которую нам пришлось разведать. Стаценко мне сказал: «Коротков, вы сейчас должны пробраться кустарником и посмотреть, что там есть». Высота была вся открытой, а на ее гребне что-то ничего, и стояли две палки, похожие на две ручки воткнутых в землю лопат. Я перелез через плетень с винтовкой

наперевес и взведенной гранатой в левой руке. По болотистой местности прыгал с кочки на кочку, между которыми была сияющая вода после растаявшего снега. Я свалился по колено в воду, перепрыгивал от куста к кусту, продвигался вперед. Наконец я добрался до намеченного мною крайнего можжевелового большого куста, который находился почти на сухом месте, и поднялся на высоту. Впереди шла заросшая полевая дорога в метрах 15-20 от куста. Я, забравшись, в самый центр куста, стал осматриваться. Слева ничего подозрительного не видно. Дорога, заворачивая, уходила в лес. На высоте никаких признаков жизни. Когда же я повернул голову направо, то сразу обмер. Дорогой по направлению ко мне в 50-70 метрах без шума и разговора гуськом шли люди в пилотках и зеленых мундирах с автоматами. Наизготовку! Немцы! Мое сердце забилось еще сильнее. Я инстинктивно оттянул на себя курок винтовки (порох был в канале ствола), и подвел под самую головку гранату, положив большой палец правой руки на чеку. Мгновение и я завязываю бой, но это не получилось. Немцы, 13 человек, подойдя вплотную ко мне, остановились. Офицер, повернувшись ко мне, взял бинокль, висевший у него на шее, и начал просматривать местность с левой стороны, провел биноклем 2 раза. Ничего подозрительного не обнаружил. Я смотрел, как они стали расходиться. 2 автоматчика направились по диагонали от меня, минуя высоту, вероятно в охранение. Сам офицер с пулеметчиком, который нес пулемет на плече, прошли дальше по дороге, и уже у леса, где дорога поворачивала в нашу сторону, т.е. где сидели наши разведчики, а остальные 9 человек направились на высоту. У них было 2 батальонных миномета и 3 лотка с минами. Все они разошлись от меня, а мне удалось использовать этот момент для своего движения, т.к. они все были обращены по отношению ко мне задом. Я быстро выхожу из куста, погрузился в воду между кочек

и пополз. Вода холодная, обжигала тело. Когда кустарник стал гуще, я пол на коленях. Бушлат мой и брюки ватные намокли, сапоги полные воды, было тяжело ползти. Дополз до плетня, оглянулся. Немцы сидят на высоте, следят за местностью, и даже не поставили минометов на место – на огневые позиции. Я пополз к плетню. Перелезать нельзя. Под плетень – нет отверстия. А сообщить скорее обо всем Стаценко надо. Зайдя за небольшую ямку, я быстро перемахнул плетень и бегом побежал к Стаценко. А те уже изготовились сделать налет на офицера с пулеметчиком. Но Стаценко, увидев меня, спросил: «Сколько их там?». Я ответил: «Тринадцать». Где? «На высоте», – ответил я, показывая рукой. В это время все пригнулись. Немецкий офицер с пулеметчиком шли обратно. «Прозевали», – сказал Стаценко, взводя автомат. Я преградил рукой и сказал: «Не надо, товарищ Лейтенант. Мы можем взять другого, но наряду с этим установить есть ли немцы справа, не могут же они одни 13 человек идти в лес». И я оказался прав. Разведав правую сторону, оказалось, что огибая нас по дороге с небольшой дистанцией, шли взвода немецкой пехоты, видимо выдвигаясь на рубеж для наступления. Т.о. мы уже в тылу у минометчиков, а стрелки могут отрезать пути отхода, если нашей горстке сейчас не уйти отсюда с 2-мя автоматами и винтовками при почти отсутствии гранат. Поспешно отходим влево. Упираемся в непроходимое болото, и по пояс в воде стали двигаться к своей стороне, отклоняясь влево. Время было 3 часа ночи. Забрались в чащу, передохнули и вышли из болта в кустарник. Оттуда увидели, что далеко не на своем участке находимся. Стаценко соорентировал карту, мы пошли вперед. А через лес уже были опять на месте недавнего боя, откуда видно дер. Берелезовку. Пошли, но куда? Нет, не домой. Стаценко снова повел нас к дороге, где двигались немцы. Мы уже слышали удары топоров, лязг идущих, стук телег. «Интересненько, зачем сюда

немцы пожаловали?» – сказал Стаценко. Подобравшись ближе, мы увидели, что немцы на лошадях перевозили патроны, несколько подвоз гранат. «Ого, запасливый народ», – сказал Стаценко. Справа показались пехотинцы и подводы с лотками 50 мм минометов. Сзади подвода шли минометчики, у которых сзади были минометы. «Я скоро!» – сказал Стаценко. Только теперь нужно установить сколько их. До батареи, не меньше. Наши готовили наступление. Мы, измаянные, вернулись в Берелезовку, и не евши, сразу залегли во всем как были.

Стаценко пришел поздно ночью. Разбудив меня и комвзвода, стал объяснять, что немцы готовят наступление не только на нашем участке, а на протяжении нескольких километров с целью сбросить нас в реку Берелезовку, а остатки гнать дальше, занять высоту. «У нас-то еще ничего, а вот у Селища! Там танки и артиллерия. Завтра немец хочет попробовать наши силенки», – говорил Стаценко. Ну, а сейчас надо поспать немного, скоро уже утро.

«Шесть против сорока»

Группа наших разведчиков 6 человек под командованием лейтенанта Стаценко вышла в очередную разведку: полковник старший сержант Зинин, сержант Коротков, Размашкин, Иванов и Серов. Выйдя на нейтральную полосу, наткнулись на немцев, которые замаскировались на опушке леса, наблюдая за нашим краем обороны.

Принял быстро решение лейтенант Стаценко – со своими разведчиками начал действовать: обойдя немцев с флангов, Зинин, Короткой и Иванов ударили из автоматов почти в упор. От неожиданности немцы растерялись, но наши выстрелы послужили сигналом для других немцев, которые находились в лесу. Со всех сторон застрочили автоматы и пулеметы, показалась цепь из 7-8

немцев, слева от нее – другая, справа – третья. Но, не дав им развернуться, мы обрушили свой огонь из автоматов по кричавшим немцам, а Зинин, зайдя с флангов, поливал из моего автомата по немцам, находив шинели в кустах. Выгнав немцев из окопов, лейтенант Стаценко, вскочил и начал стрелять по немцам из оставленных ими пулеметов. А Серов и Размашкин из засады, с тыла, ударили, одновременно бросили несколько гранат, чем еще больше нагнали на немцев страха. Видя превосходящее число немцев, начали стрелять из автоматов одиночными выстрелами, тем самым создавая искусственное большое количество нас.

Вдруг с дороги застрочил немецкий пулемет, отсекая нам путь отхода. Мы пригнулись к земле, пули косили кустарник над нашими головами. Одна пуля попала в гранату Иванова, пролетев через рукоятку, не причинив вреда. Когда пулемет бил по нам, мы шли молча, а когда он начал обстреливать, Стаценко из пулемета бил вслепую, нащупывая немецкий пулемет. Вдруг стрельба немцев прекратилась, слышались крики отходящих немцев. Но гитлеровцы не выдержали натиск 6 советских воинов, едва успев поспешно отступить. На месте боя, на дороге, мы обнаружили окровавленный пулемет с вывороченной пушкой, брошенные 12 противогазов, 4 винтовки, 2 пулемета МГ и 1 пистолет «парабеллум», 4 фляги с настойкой, много вещевых сумок, в которых обнаружились 30 гранат.

Мы с трофеями и без жертв вернулись на свою базу. Командование дивизии объявило нам благодарности, и всех представили к правительственной награде, но были ли награждены – неизвестно, т.к. многие из этих героев погибли, и я был ранен и эвакуирован в тыл.

«Взяли языка»

Мы отправились в глубокий тыл врага. Шли болотами, минуя ряд деревень. Нам заметили партизаны и приняли за немцев. Но по шагам узнали, что мы свои. От партизан узнали, как нам взять «языка».

На другой день была дождливая погода, и мы с проводником от партизан прорвались к деревне Морозовка, где предполагалось сделать засаду, т.к. немцы ходили в эту деревню на выходной день, чтобы весело провести время. Не доходя до деревни, на небольшой высоте, в кустарнике, где проходила дорога, мы сделали засаду. Ждать нам пришлось не долго – 9 немцев с обер-ефрейтором шагали по направлению к нам. У них было оружие: 1 пулемет МГ, 4 автомата, 3 винтовки, гранаты и пистолет у обер-ефрейтора. Немцы шагали не торопясь, ефрейтор шел сзади, покуривая трубку. У нас все наготове, вполголоса сигнал, и мертвую тишину прорезала 8 автоматных очередей. Через несколько секунд опять стало тихо. Несколько тяжелораненых немцев лежали в разных сторонах на дороге. Огонь бил почти в упор, поэтому в каждом немце сидела очередь пробивших тяжело пуль. Мы все вместе с Докукиным направились к убитым. Докукин сам осматривал раненных, а мы подбирали оружие и документы. При этом среди трупов был обнаружен один живой немец. Приподнимая его за воротник, Докукин сказал: «Ауфштейн! Встать!». Немец стал подниматься. «Хендехох!» (руки вверх), и немец поднял руки вверх.

Не медля ни одной минуты, забрав оружие и документы, мы ушли, а когда вышли и леса и поднялись на высоту, то увидели, как горела деревня Морозовка. Это немцы зажгли ее за убитых солдат. Но в лес они не пошли, т.к. в лесу они боялись партизан, за которых принимали нас. Возвращались к себе, мы погрузили немца на пленного немца трофейный пулемет, который был для

здоровенного фрица как игрушка – 16 кг. Докукин задавал пленному вопросы на немецком языке. Тот отвечал, но мало, что мы понимали из его ответов. На пути встретилась широкая канава, наполненная водой. Немец перешагнул ее с пулеметом и хвастливо говорит: «Их шпортсмен», – показывая на спортивный значок.

Придя в свое расположение на хутор Микулино, думали, что в полукилометрах от деревни Большой Починок, мы расположились в хате. Докукин распорядился принести водки, нажарить консервов с картофелем и дать на закуску. Все было приготовлено и подано к столу. Докукин налил 2 чайных стакана белой водки и поставил перед собой и перед пленным немцем, который смотрел с недоумением то на Докукина, то на нас, то на водку. Потом, проголодавшись, немец усердно принялся есть жареные консервы и моченые сухари. Но слова Докукина приостановили его аппетитную еду. Докукин сказал так: «У нас у русских заведено так: перед обедом тяпнуть стаканчик и покушать с аппетитом». Немец не понял этих слов, но сообразил, что надо быть вежливым, и, глотнув 2-3 глотка водки, и опять принялся за еду. «У нас так не пьют», – сказал Докукин, «Вот как надо», - и он опрокинул стакан, залпом выпил. Немец покачал головой, сделал удивленное лицо, а потом взял свой стакан и тоже выпил весь. «Вот это по-нашему!», – сказал Докукин. Потом немец опьянел, и свалившись уснул. На другой день его отправили в штаб дивизии, где он дал ценные сведения о прибывших на наших участках фронта свежих силах. Пленный опознался рабочим-слесарем, полунемец-полуфранцуз, работавший на заводе во Франции, рядовой, прибыл на фронт недавно по специальности сапер.

«Чем закончилось веселье немцев»

Возвращаясь с операции, взвод во главе с лейтенантом Стаценко, мы услышали веселое пение немцев и звуки губной

гармошки и скрипки. Это невдалеке от леса, в школе, пьяные немцы веселились. Мы решили действовать, но чем? У нас были 3 гранаты, 2 автомата и несколько винтовок. Лейтенант Стаценко решил вести наблюдение, и мы осторожно стали пробираться к опушке леса, затем по кустарнику, уже вечерело. Все было так тихо, что каждое неосторожное движение, треск-шум могли нас выдать. Немцы продолжали веселиться. Мы уже на краю леса, нам видно школу, у которой стоит 2 автомашины, в несколько немцев, сидевших на лавочке у школы, пьяные, громко пели песни. Была поставлена охрана, которая в это время сменялась, стояли 3 часовых в окопчиках, один ближе к нам, а два – по бокам. «Вот хорошо снять охрану, наверное, ночью спят», – сказал Стаценко. В это мгновение застрочил пулемет из слухового окна чердака. Он прочесывает лес, кусты, которые сзади нас. Это еще пост, выявивший себя, видимо там тоже происходила смена, и проверяли исправность пулемета, т.к. он, дав очередь, затих. Достаточно темно, пение прекратилось, немцы ушли спать, наступила абсолютная тишина, часовой расхаживал молча. Нам нельзя было двигаться, т.к. можно выдать себя. На наше счастье с шумом к школе подходил грузовик. Воспользовавшись этим шумом, мы удалились от школы и ушли в свое расположение.

На другой день было пасмурное утро. Вся наша рота отправилась к складу, но сделать ничего не удалось, т.к. у склада работало до взвода немцев, которые разгружали машины. Вечером началось старое веселье, вот тут мы решили действовать. Бросок, несколько выстрелов, пулемет немцев, дав короткую очередь, замолк, пулеметчик был убит, все 3 часовых были убиты почти одновременно, а остальные бросились бежать. Наши разведчики бежали к складу с гранатами и бутылками с горючей смесью, бросая их в окна здания одну за другой. Через несколько минут мы

шли обратно. По району школы била немецкая артиллерия. Школа пылала как факел.

Так вспоминали мы эту задачу, а бойцы на передовой говорили: «Опять наши разведчики гудят! Глядите, какое зрелище».

«Игра в прятки»

Самое главное в разведке – видеть и слышать все, оставаясь совершенно незамеченным противником. Вот придерживаясь этих правил, мы двинулись по лесу к передней линии немецкой обороны. Шли мелкими группами с большими интервалами, каждой группе было дано отдельное задание и сектор наблюдения за немецкой стороной. Мы разошлись, в случае тревоги – собираться по выстрелам ППШ.

Только мы своей группой достигли назначенного места, как сзади послышалось несколько автоматных очередей подряд. Сразу направились туда, ориентируясь на выстрелы, шли через болото к лесу. В лесу были слышны громкие крики и треск сухих веток, гремели выстрелы, мы ускорили шаг, и сразу же наткнулись на наших разведчиков, которые уже цепью быстрым шагом, почти бегом, прочесывали лес.

Стаценко рассказал, что вот в эту минуту здесь были немцы, что они уйти далеко не могли. Их необходимо быстро найти, и возможно будет возможность из них взять пленного. Мы носились по лесу, сталкиваясь с немцами в упор, принимая за своих. Преследуя трех, мы разбежались в разные стороны, мы отрезали им путь. Стаценко, наставим автомат на троих, закричал: «Хенде хох!». А они, поднимая руки, кричали слабым голосом: «Хальт, хальт». Стаценко хотел сделать спуск, но автомат отказал. Немцы, видя это, бросились в стороны, мы едва успели заметить, что один

из них невысокого роста, запутавшись, бросился влево, пробегая мелким и редким лесом, исчез.

«Вот, будем в прятки играть», – сказал Стаценко. К нам присоединись еще 5 наших, и мы стали огибать кусты и кричать: «Дойче, ком цу мир!». Стаценко предупредил: «Осторожно, он может быть в кустах и может оказать сопротивление». Только он произнес эти слова и тут же бросился вперед в мою сторону. Я заметил, как качнулась маленькая елочка. Стаценко пригнулся, и в это мгновение прогремел глухой выстрел. Я вздрогнул, и с направленным автоматом, ринулся туда же. «Ох, гад! Покончил с собой в то время, как я его припугнул», – сказал Стаценко, вытирая руки от крови. Он схватил немца за горло вместе со стволом, в эту секунду немец выстрелил себе в подбородок, разбив весь череп, зубы вылетели, глаза тоже, и кожа наполнилась кровью. Я обыскал его, взял фотокарточки, взяли винтовку, сняли сапоги, ремень, бляху с шеи.

«Гибель Стаценко»

5-го мая 1942 меня с отделением бойцов Стаценко послал в наблюдение. Рано утром пошли мы по старому месту, наблюдали до 5 часов вечера. Возвращались домой, подходя к опушке леса, мы обнаружили топоры, киркомотыги, 13 клубков колючей проволоки и 2 пары сапог. Пройдя дальше, мы наткнулись на проволоку, которой немцы опутали опушку леса перед д. Гаврово. Но нас удивило, что не было никого кругом. Забрав инструмент, проволоку закопали, и направились в д. Гаврово. Нас тут окликнули: «Откуда!». «Оттуда!», – сказал Иванов. «Пропуск!». Ответив, мы проходили в деревню. Здесь мы встретили полковых разведчиков. Нас просили: «Вы откуда?». Мы ответили, что из-под Мужицкого. «А где вы шли?». «Где и всегда», – ответил я. «А немцы?». Никого там нет, видя нас, все побросали, да смотались

восвояси. Тут то и выяснилось, что полковая разведка, проходя по лесу с фланга, наскочила на немцев, которые опутывали опушку, испугавшись одни других, разбежались в разные стороны. Мы шли как раз в тот период, в лесу уже никого не было, поднялся смех на всю деревню.

Пройдя Гаврово, мы вышли на склон высотки, с которой было видно Большой Починок. Заметили, что из Починок выходят роты в расчлененном порядке. Они двигались по направлению к Гаврову. Время было около 5 часов. Вот на дороге показалась группа бойцов с автоматами. Один из них в немецкой шинели. Стало ясно, что это наши разведчики, а в немецкой шинели был наш Стаценко. Он уже узнал нас, и размахивая автоматом, остановил нас. Мы сели, а они подошли к нам. «Вам не придется идти домой, сейчас пойдем вот побалуемся с немцами, да и переселимся в деревню Узвоз на постоянное место жительства», – сказал Стаценко. Мне стало ясно, что хотят наступать на Узвоз. Стаценко, подойдя ко мне, говорит: «Вам, товарищ Коротков, посылка от мамаши. Так я приказал ее распечатать, и взять кое-что для вас сюда». Связной достал из мешка, что припасено, а старшина и обед для нас принес, и мы расселись кушать. Я пригласил лейтенанта Стаценко покушать вместе из принесенной посылки. Он отказался, говоря: «Вот отвоюем сегодня, придем, тогда и покушаем. А для вас я приказал распечатать посылку, только лишь потому что ведь идем в бой, а тут никто не знает, что может случится, убьют парня, и посылки матушкиной не попробует». Мне эти слова показались страшными. Я подумал: неужели это может со мной случиться. Немного перекусив, мы встали и направились вслед за стрелками, проходившими уже д. Гаврово.

Задача была такова: после 15-минутной артиллерийской обработки мы должны были атаковать деревню Узвоз. Силы

расположили так: три роты наступали со стороны леса, нам разведчикам и автоматчикам было приказано зайти с тыла и расстреливать отступающих немцев. А как же получилось на практике?

Роты били на рубеже. Для нас пулеметы, несколько пушек, немного постреляли по деревне, мы зашли по балке по болоту в тыл немцев. Ракета! Началось! Роты поднялись с опушки, идя на деревню, сначала все было тихо. Вдруг сразу шквал огня из пулеметов, находившихся в дзотах немцев, которые ничуть не были повреждены, и были расположены так, что они прикрывали друг друга. От такого густого огня атака захлебнулась. Некоторые залегли, а некоторые побежали назад, падая на ходу. Все стихийно, атака повторилась. И снова безрезультатно. Роты понесли большие потери в людях, появились вереницы раненных, дух бойцов подорвался. Мы сидим в тылу у немцев, ожидая, когда они побегут. Пришел приказ: выйти на исходный рубеж рот и наступать. Стали выходить, но нас немцы обнаружили, а так как нам нельзя было бить из пулеметов, они начали стрелять из минометов. Первые мины упали далеко сзади нас, вторые – не долетели, а третьи – по нам. Первый залп по нам вреда не причинил, второй тоже. Стаценко приказал мне уйти на фланг и отводить людей. Только я отошел от него, прогремел третий залп - все кругом заволокло едким дымом, от которого заслезились глаза. Из дыма сазу донеслись крики и вой раненых. Я увидел бегущего Овечкина к лейтенанту, и кричавшего на бегу: «Лейтенанта! Лейтенанта убило!». Я со всех ног бросился туда. Стаценко лежал, раскинув руки, пилотка его валялась в стороне, а изо лба сочилась кровь, и текли мозги на левый погон немецкой шинели. Стаценко был уже мертв. Овечкин был у ног спиной к противнику. Еще залп – осколки летят, грязью залепило глаза. Овечкин, поднимая голову, дрожащим голосом сказал: «Я ранен», и стал подниматься,

опираясь на ноги лейтенанта Стаценко. Я спросил: «Как чувствуешь себя?». «Плохо», – ответил он и повалился рядом лицом в землю. У меня еще больше застучало сердце, и я крикнул разведчикам: «Зинин, Иванов, Серов и др.». Сразу прибежали пятеро, перевязали Овечкнина и двое повели его, а мы вчетвером: Зинин, Иванов, я и Серов взяли тело Стаценко и понесли на руках уже не по обрыву, а прямо по склону высоты. Поднялись на ее гребень, и, пренебрегая опасности, несли своего командира. Пули свистели, поднимая пыль и грязь с поля. Спустились за гребень, здесь было совершенно спокойно. Вечерело. Солнце уходило за горизонт, бой стих. Мы пошли в д. Гаврово, там сделали носилки и направились в Большой Починок. Там уже знали о гибели лучшего командира-разведчика Стаценко Николая Андреевича, бывшего шахтер поселка Чистяково. Встретившиеся бойцы снимали шапки, и знавшие его говорили: «Какого замечательного человека потеряли наши разведчики». На другой день собралась вся рота, и мы с почестями похоронили своего любимого командира и товарища, храброго разведчика, украинца, шахтера Николая Андреевича Стаценко между двумя деревьями в дер. Большой Починок-Хлопянский. Потом мы все собрались и справили поминки. Мы ели присланное в посылке моей матери, и при этом товарищи вспомнили заботу Стаценко обо мне перед боем, когда он приказал распечатать посылку, и часть ее принести на поле боя. «Убитый парень и посылки матери не попробует» - эти слова, произнесенные Стаценко перед боем, снова всплыли в памяти у нас. Так мы расстались с Николаем Андреевичем Стаценко.

«Новый командир взвода»

После гибели лейтенанта Стаценко, командиром нашего взвода был прислан лейтенант Пальчиков, с которым мы стали продолжать свою работу. 12 мая 1942 г. мы своим взводом

отправились в очередной поиск. Проходя по лесу, мы наткнулись на новую работу немцев, они наставили «сюрпризов» и мин натяжного действия. Наш разведчик Саша Рябов наткнулся на кабель и закричал: «Товарищ лейтенант! Подслушаем!». Мы с Пальчиковым в этот момент рассматривали одну загадочную мину, которая была накрыта лезвием лопатки, и если бы кто потянул, то мина бы взорвалась. Подняв голову на слова Рябова, мы увидели, что он взял провод и тянет на себя вверх. И сразу же раздался взрыв большой силы. Нас закидало грязью, в ушах получился звон, мы отпрянули назад. Последним вышел Рябов, он был ранен в правую ногу, которую зажал рукой, а сквозь пальцы сочилась кровь. «Ну, вот опять несчастье», – сказал Пальчиков. Мы начали отходить, т.к. все уже было понятно в этой разведке, и мы отправились домой.

«Расстались друзьями навсегда» 1942 г.

13 мая 1942 утром мы направились в разведку. Вошли в лес, и разделившись на две группы по обе стороны дороги, которая шла прямо на Б. Мужицкое, где находились немцы. Я шел по левой стороне, шли со мной Гусев и Иванов. Командир взвода приказал всем пройти на правую сторону. Встретив тропку, я направил по ней Гусева, он прошел быстро, пробежав дорогу, и я за ним. А за мной шел Славка Иванов. Вдруг взрыв, я от взрывной волны отлетел в противоположную сторону канаву. Когда очнулся, то увидел совсем другую картину. Валялись ломаные сучья деревьев. Вблизи стоявшие сосны оказались совершено голыми, иглы с них облетели. Послышался стон. Чей? Славкин. Славку ранило. Я вскочил, чувствуя себя ушибленным, бросился в канаву с левой стороны дороги, где лежал Вячеслав. Голова его без шапки была на дне канавы, а ноги, распластавшись, лежали вверх. Сразу стало видно, что Иванов тяжело ранен. Я подбежал, схватил его под

подмышки, оттащил, положил головой выше. Раненый стонал, широко раскрытые глаза смотрели так, как будто хотели все увидеть. Но видел он только меня, головы поднять он не мог из-за страшной боли. Говорил хриплым голосом: «Борис, я был не уверен в своей жизни, это точно, добей меня. Я прошу тебя». Подбежал Гусев, мы начали перевязку. У Славки обе ноги были избиты, при малейшем движении он сильно кричал. Размотав бинты, сверху перевязали разорванной гимнастеркой, сделали 2 шины, но все равно кровь лила потоком. Слава, кажется, таял у нас на глазах. Разорвав гимнастерку, мы обнаружили еще несколько раненых в грудь, руку. Он уже не говорил, только смотрел в небо не мигая. Губы почернели, глаза опали, весь потяжелел, смерть приближалась. Подошли остальные, положили Вячеслава на носилки. Я тут почувствовал сильную боль в правой лопатке и скользкую теплую жидкость у пояса. Я спросил у Гусева: «Нет ли чего у меня на спине?». Он сказал: «Вот ранка, как ножом прорезано. Да посмотри на свою шапку». Я снял шапку, у которой половина правого уха была отрезана, и вата торчала. «Раздевайся, сделаем перевязку», - сказали ребята. Я ответил, что давайте позже, надо поскорее уходить отсюда, а то на взрыв и на крики могут немцы пожаловать, и мы пошли. Придя в деревню Гаврово, я направился в санвзвод. Разыскивая его, я отворил дверь какого-то дома, меня обдало паром (это была баня). Потемнело в глазах, и я свалился, потеряв сознание. Очнулся я в медсанбате, лежал полуголый в одних брюках, был крепко перевязан, от чего трудно дышать и болели мышцы груди. Рядом на столе лежал Слава Иванов, вокруг него стояли врачи и сестры. Они ничего не делали, Слава был мертв, он так и лежал с открытыми глазами, которые смотрели как-то особенно, как будто замерзли, налившись слезой. Я наклонился, у меня брызнула кровь из носа на голое тело Славы и покатились слезы как град. Я простился со своим другом

костромичом Славой Ивановым. Его унесли. На второй день меня отправили в полевой госпиталь. Так кончилась моя служба в дивизионной разведке Ярославской коммунистической дивизии.

Ладужин Дмитрий Федорович

Родился в 1923 г. в деревне Крутая Гора, Нерехтского района. В своем письме к землякам он рассказывает о своем боевом пути. А увидело свет оно благодаря Сергею Матвееву – поисковику из г. Нерехта.

Письмо землякам.

В 1941 году я поступил в Костромской сельскохозяйственный техникум на агрономическое отделение. С 1-го января 1941 года начались занятия, проучились 6 месяцев, начали сдавать экзамены за полугодие, и 22 июня началась война, и вся учеба кончилась. В июле месяце я подал заявление добровольно на фронт, его оставили до особого распоряжения. В августе месяце через райком комсомола по комсомольской путевке зачислили в Ярославскую 234 коммунистическую дивизию и 17 ноября 1941 года нас увезли в Песочные лагеря – это 25 километров за Кострому, вот там и формировалась наша дивизия. Обучались всем военным навыкам. 1-го января 1942 года приняли присягу, а 10-го января поехали на фронт. Высадили нас 40 км за Москвой, станция Одинцово. Вооружили, и пошли навстречу немцам. Шли с боями по Московской, Калининской, Смоленской области, ну на войне как на войне, держали оборону, наступали, отступали, занимали населенные пункты, хоронили мертвых, и опять наступали до тех пор, пока не ранило, а ранило меня на Смоленщине в апреле месяце при взятии населенного

пункта Узвоз в обе ноги. Санитары подобрали и отвезли в медсанбанбат, после сан.обработки поместили в эшелон для раненых и повезли в госпиталь в г. Калинин. Но по дороге днем налетели немецкие самолеты и начали бомбить наш эшелон, паровоз разбили, вагоны повредили и многих раненых побили, но я оставался в вагоне до тех пор, пока не улетели самолеты и остался жив. Полечили в Калинине и потом направили в глубокий тыл, потому что раны были опасные, и лечению поддавались плохо, и привезли нас по Волге на пароходе в г.Горький в район Сормово. Там лечился до ноября месяца, а 17 ноября сделали комиссию и на 2-ю группу инвалидности, списали домой на излечение. Вот и дольше на фронт уже не попал до сих пор дома, и не плохо.

Макшанчиков Сергей Гаврилович

О Сергее Гавриловиче рассказывает Зинаида Николаевна Васильчикова: «Родился в 1917 г. Это мой дядя по материнской линии. В 1938 году был призван Костромским Горвоенкоматом в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. Участник Финской войны. С июня 1941 г. участник Великой Отечественной войны. Рядовой бронебойщик. Воевал в Тульской области, на Курской дуге, в танковом сражении под Прохоровкой Белгородской области, уже будучи в звании старшего расчёта противотанкового ружья. Погиб Сергей 31 июля 1943 года. В письме командира подразделения Сидоренко П.И. сообщалось, что старший расчёта противотанкового ружья Макшанчиков С.Г. геройски погиб в бою при защите нашей

Родины. Захоронен в селе Семёновка Барвенковского района Харьковской области. После войны состоялось перезахоронение с воинскими почестями в братской могиле в селе Донецкое Изюмовского района Харьковской области. К сожалению, из прижизненных фотографий Сергея остались только эти две, где он совсем ещё маленький мальчик. Обе фотографии сделаны, примерно в 1927 году. На втором фото он стоит среди своих родных сестёр. От Сергея сохранились 7 писем с фронта, адресованные сестре Марине. Имя гвардии рядового, старшего по расчёту написано на памятнике-стелле, установленном на приходском кладбище при храме Александра и Антонины, в Селище, где он родился и откуда ушёл на войну. Ежегодно, 9-го мая родственники и жители Селища приходят к обелиску, чтобы положить цветы и поклониться воинам-селищенцам, погибшим за Победу!!!»

1. 1 апреля 1943. Привет с фронта.

Добрый день многоуважаемая сестра Марина!

Во первых строках своего письма шлю тебе горячий боевой привет и хороших пожеланий в твоей дальнейшей жизни, тех же самых пожеланий передай тете Фусе, дяде Пане и всем остальным родным. Марина, 28 числа я получил от тети Фусы письмо, которое было первым за весь период войны. Я очень рад, что я с вами снова имею связь. Теперь, Марина, я интересуюсь, окончила ли ты свою учебу или нет, и когда ты выехала с Ленинграда, где ты живешь и работаешь. О себе я опишу в нескольких словах: я живу хорошо, жив, здоров,

бью проклятого врага как муху. Писать больше нечего, жду ответ. Сообщаю новый адрес, по-старому не пишите, иначе я не получу. Мой адрес: Полевая почта №35787 «р». До свидания. Жду ответ. Твой брат.

2. 28 июня 1943. Привет с фронта!

Добрый день многоуважаемые родные тетя Фуса, Марина и все остальные! Во первых строках моего письма шлю вам свой боевой привет и хороших пожеланий в вашей дальнейшей жизни. Тетя Фуса, сегодня я получил от вас письмо, которому я очень обрадовался, и за которое очень благодарю Вас. Это первое письмо за все время войны. Я очень рад за то, что вы все живы и здоровы, но только я очень расстроен, что от братьев вы никаких известий не получаете. Над этим вопросом я очень задумался. Меня очень удивило то, что Гаврик уже в армии, я считал, что он еще учится в школе. А оказывается, что совсем не то. А Валя? Неужели он так быстро вырос, что он уде работает? Я вспоминаю, какими они были, когда я был дома. Они были совсем малые дети, а сейчас я не могу себе представить, какие они есть. Передайте Вале мой привет, а Гаврику, если он в Костроме, то передайте – пускай учится и осваивает военное дело как можно лучше. Тетя Фуса, вы пишите какие цены у вас на продукты. Да, цены очень высокие, и покупать все, я осознаю, очень трудно. Но все же меня интересует, как вы обходитесь с пайком, который вам дают. Тетя Фуса, я живу пока что хорошо относительно здоровья, пока что здоровый. Вобщем чувствую себя на все 100%. В общем, если фриц попадется, так еще и поговорить с ним на кулаках смогу, и живого ни за что не отпущу, это мой закон, и я обязан его выполнять. Тетя Фуса, рад бы написать больше, но некогда. Я прошу Вас, узнайте, где Митя Бодрин. Пока до свидания. Жду ответ. Целую Вас и Марину.

3. 30 июня 1943

Здравствуй многоуважаемая сестра Марина! Шлю я тебе свой горячий привет и хороших пожеланий в твоей дальнейшей жизни. Марина, я жив и здоров, так что все хорошо, и вы обо мне здорово не волнуйтесь. Только одно что – нет от вас писем, но ничего, когда-нибудь получу. Марина, передавай привет тете Фусе, дяде Пане, и всем остальным родным. Опиши, что слышно от братьев, и где они, если есть кого-нибудь адрес – сообщи мне. Ну, пока писать нечего, жду ответ. Марина, у меня будет к тебе просьба, передай это письмо, которое я посылаю вместе с твоим, Тоне Мироничевой, каких бы она семейных положениях не была. Я знаю, что она не обидится. Тут ничего такого нет. Прошу, сделай это дело. 30.06.43 с приветом брат. Полевая почта № 31604-Ш.

Ширин Константин Петрович

Родился 18 сентября 1910 г. в деревне Макшино Красносельского района Ярославской области (ныне – Костромской). Окончил начальную школу, курсы счетоводов, что по тем временам было доступно не всем, с ноября 1934 года по ноябрь 1935 года работал счетоводом в колхозе «Победа». Женился, семья переехала жить в Кострому. Чуть позже закончил курсы продавцов и работал в продовольственном магазине № 53 за рекой Костромкой. В ноябре 1938 года был направлен для прохождения вневойскового обучения в Автобронетанковом учебном пункте сроком на 2 месяца. В Красной Армии с 24 июня 1941 г. Служил в 1015 стрелковом полку наводчиком.

Последнее письмо от него пришло 6 мая 1944 года. Он писал: «Я пока жив и здоров. Что будет дальше сказать трудно. Жизнь протекает по-фронтовому...». А через несколько дней почта

доставила весточку от его однополчанина. В ней были – все в следах крови – письма, фотографии дочек. Погиб 18 августа 1944 г. «Мне до сих пор кажется, что кровь на фотографии свежая», – говорит старшая дочь Ширина К. П. Римма Константиновна. В семье Константина Петровича было еще два брата и четыре сестры. Из всего большого рода Шириных с фронта не вернулись четверо мужчин.

1. Добрый день или вечер от известного вашего и родного папы Ширина К.П. Здравствуй, милая и дорогая моя жена Маня, и дорогие дочки. Рима, посылаю вам свой чистосердечный привет и тысячу горячих поцелуев и желаю вам скорого успеха в вашей будущей жизни и хорошего здоровья. Маня, в первую очередь, сообщаю вам, где нахожусь на сегодняшний день, то есть 2 ночи. Находимся, не доходя 20 километров, но есть некая граница. В лесу с машины сняли 1/VI-41, полдня ехали на своих машинах. Стоим в лесу, благодаря очень большому дождику, так что всех вымочило. Доехали, все хорошо, что дальше будет, не знаем, вероятно, скоро придется с противником столкнуться и выйдет победа. Там видно будет. Ну, и все, что хотел сообщить про свою настоящую жизнь. Еще раз прошу тебя, Маня, там не расстраиваться, потому что надо тебе беречь здоровье. Маня, передай всем родным и знакомым по привету Шумилову и Зине. И пока до свидания, моя милая. Скоро жди еще письма. А еще наш неизвестный пока Ширин К. 2/..41.

2. Добрый день. Здравствуйте моя дорогая семья, жена Маня и дочки Рима и Лиля. Посылаю я вам свой чистосердечный и пламенный привет и несколько горячих поцелуев, желаю всего наилучшего в вашей жизни и вашем здоровье. Маня, в первую очередь, сообщаю я вам о том, что я вам послал письмо 21/XI, в котором сообщил, что получил ранение и сейчас лежу в госпитале.

В Ленинграде ранили меня 19/XI в левую руку. Ранение не серьезное, то есть не тревожило, но все-таки до настоящего времени, то есть до 30/XI еще лежу в госпитале и долго ли пролежу, не знаю. Потом, Маня, хочу сообщить, что я от вас не получал писем уже давно. Последнее ваше письмо получил, которое вы писали 20 сентября и с тех пор от вас ничего, ничуть. Как вы там поживаете и что у нас в городе нового. Маня, я еще вам писал на счет хлеба, чтобы вы там себе купили муки или чего-нибудь другого. Если нет денег, то чего-нибудь там может продашь. Маня, теперь очень трудно получать ваши письма, потому что у меня очень часто меняются адреса, а поэтому не могу никак получать ваши письма. Теперь, Маня, еще сообщаю я вам, что я выслал 30/XI-41 денег, в сумме 100 р., которые заслужил в течение 5 месяцев, а у нас здесь деньги никуда не надобятся, купить нечего. А вам там хотя бы на молоко или картошку. Вообще, куда-нибудь израсходуйте. Маня, сколько вы мне писем писали, а ни в одном не описали, сколько вы там получаете хлеба. На карточках было описано, но вы не описывали и на счет других продуктов. Теперь, Маня, поподробнее опишу я вам про свою жизнь. Маня, лежу в госпитале, здоровье пока ничего, что будет дальше, если я буду выписываться из госпиталя, то я вам пришлю еще письмо. Маня. Если получишь это письмо и деньги, то пиши ответ по этому адресу, который будет написан в этом письме и опиши все, как поживаете и как ваше здоровье, и что у нас нового и все ли живы. Еще, Маня, передай по привету Соне и Насте и Женьке, а Миронову я послал письмо 27/X, получил он это письмо или нет. Ну, вот и все, что я вам хотел сообщить, а пока до свидания милая и дорогая моя семейка, жена Маня и дочки Рима и Лиля. Жду вашего ответа, как соловей лета. Остальное, жив и здоров и вам того желаю. Известный вам ваш муж Ширин К.П. 30/XI-41.

Адрес Ленинград, 3 п/п 869 а, Ширину Константину Петровичу.

3. 10 декабря 1941 г.

Здравствуй дорогая моя семья, жена Маня и дочки Рима и Лиля. Шлю я вам свой чистосердечный и пламенный привет и несколько горячих поцелуев, и желаю вам всего наилучшего в вашей жизни и вашем здоровье. Маня, в первую очередь, сообщаю я вам о том, что я на сегодняшний день нахожусь еще в госпитале. Здоровье пока хорошо, рана поджила, только плохо еще работают два пальца. Долго ли пролежу, не знаю, но думаю, скоро выпишут. А так, все в порядке, только дают хлеба маловато, ну ничего не поделаешь, как-нибудь помаленьку все трудности переживем. Маня, я вам из госпиталя пишу третье письмо, не знаю, вы получаете мои письма или нет. Потом, Маня, я вам послал денег 100 рублей, может сами получили или нет. Деньги послал 30/XI-41. Каждый заслужил в течение 5 месяцев. Маня, я по вам очень стосковал, с тоски не знаю куда деваться. Сегодня день посещаемости, к больным ко многим пришли в палату, а ко мне нет, даже писем от вас я не получаю уже третий месяц. Последнее ваше письмо получил, которое вы писали 20 сентября и больше не получал, а поэтому мне делается очень грустно, потому что от вас ничего, ни чуть не знаю, живы вы или нет. Если живы, то, наверное, живете очень плохо, потому что я знаю ваше положение, что жить вам трудно. Ну, Маня, как-нибудь понемножку, все переживем. Там может кое-что продай, голодная не будь, а жив буду, все верну обратно, наживем. Маня, по мне много не скучай и не расстраивайся, после победы над Гитлером обратно вернемся. Маня, я очень сомневаюсь об вашем здоровье. Наверное, вы сейчас шибко болеете, а мне ничего, ничуть. Маня, посмотреть бы теперь на вас и на дочек хотя бы из-за уголка, одним глазком. Наверное, уж не придется, а если и придется, так не скоро. Ну, что ж поделаешь, раз такая наша выпала доля. Маня, вы писали мне, что

вы получаете пенсию 150 руб., из которых на девчонок 100 руб., и на вас 50 руб. Маня, если у вас есть справка как нетрудоспособная или же справка инвалидности, и вы должны числиться как нетрудоспособная, то вам оплачивают не правильно. Согласно постановлению, на троих нетрудоспособных должны выдавать не 150 руб., а 200 руб. Если платили 150 руб., то ты сходи туда, откуда получаешь деньги и возьми справки, которые тебе выдали в больнице. А если у тебя нет таких справок, и сама себя чувствуешь плохо, то там хлопочи, чтобы вам платили 200 руб. там с кем-нибудь посоветуешься, как это тебе все сделать. Может придется писать заявление, кого-нибудь там попросишь и возьмешь справку от домкома и все вместе подашь. Ну, как получишь мое письмо, чтобы все сделали, 50 руб. в месяц вам однако хотя бы на молоко. Ну, вот и все, что я хотел вам сообщить, а пока, до свидания. Остальное, жив и здоров, и вам того желаю. На это письмо ответа не пиши. Ваш муж Ширин К.П. 10/XI-41.

4. 15 марта 1942 г.

Добрый день. Здравствуй моя милая и дорогая семья, жена Маня и дочки Рима и Лиля. Шлю я вам свой чистосердечный и пламенный привет и множество горячих поцелуев, и желаю всего наилучшего в вашей жизни и вашем здоровье. Маня, в первую очередь, сообщаю я вам, что я на сегодняшний день, то есть на 15/III-42 жив здоров. Мы пока не знаем, что будет дальше. Маня, я вам писал очень много писем и много кое-чего про свое существование, ну не знаю вы мои письма получали или нет, но я ответа не получаю уже давно. Последнее письмо я ваше получил, которое выписали 20 сентября, а также мне неизвестно, живы вы или нет. Если живы, то как получишь это письмо, то скорее пиши ответ, который я буду ждать с большим нетерпением. Маня, я сейчас уже нахожусь не в Ленинграде. Нас из блокады вывезли. Находимся километров 120 от Ленинграда. Уже с той стороны

блокады сейчас письма должны доходить быстро. Маня, пиши письмо и описывай все, как вы там поживаете и что нового, и как у вас положение с хлебом, сколько вам выдают по карточкам. А потом, самое главное, пиши как ваше здоровье и как дочки. Маня, писать я вам много не буду, когда получу ваше письмо, и вы пишите, получали мои письма или нет, тогда я вам опишу все, как моя проходит служба и пока до свидания. Ширин К. 15/ III-42.

5. 24 марта 1942 г.

Добрый день. Здравствуй дорогая моя милая семья, жена Маня и дочки Рима и Лиля. Шлю я вам свой чистосердечный пламенный привет и несколько горячих поцелуев и желаю я вам всего наилучшего в вашей жизни, и пожелаю хорошего здоровья, чтобы вы там не болели. Маня, в первую очередь, сообщаю я вам о том, что я на сегодняшний день жив, что будет дальше сказать трудно, здоровье мое пока ничего. Все в порядке. Маня, я вам по этому адресу пишу третье письмо, которые писал 12-15-27 и от вас буду ждать ответа каждый день. Маня, сюда, где я сейчас нахожусь, из Ярославля письма идут 12-14 дней. Маня, прошу я вас, пиши письма чаще.

6. 8 апреля 1942 г.

Добрый день. Здравствуй дорогая моя Маня. Шлю я вам свой чистосердечный пламенный привет и несколько горячих поцелуев, и желаю всего наилучшего в вашей жизни, и хорошего успеха. Маня, в первую очередь, сообщаю вам о том, что на сегодняшний день, то есть на 18/IV-42 жив и здоров, что будет дальше, сказать трудно. Маня, во-вторых, сообщаю, что ваше письмо получил, которое вы писали 27/III-42. Наконец дождался вашего письма, которое не получал с сентября месяца. Маня, я рад, что вы все пока живы, но очень мало написали.

Маня, вы пишите на счет своего здоровья, но не писали, ходили на лечение или нет. Маня, вы пишите, что дочки в деревне. Маня, они, наверное, там надоели. Как-нибудь постарайся их оттуда справить. Маня, потом ничего не описала, сколько получаете хлеба и других продуктов. Маня, получите это письмо, напиши ответ, и опиши все на счет хлеба на базаре и всех остальных продуктов. Затем до свидания, жду ответа. Ваш муж, Ширин К. 18/IV-42. Ярославская область, город Кострома, улица Новозагородная, дом 30-1, передать Шириной Марии Николаевне от Ширина К.П.

7. 15 мая 1942 г.

Доброй день. Здравствуй дорогая моя семья. Женка Маня и дочки Рима и Лиля. Шлю я Вам свои чисто сердечной пламеной привет и несколько горячих поцелуев и желаю всего наилучшего вашей жизни и хорошего здоровья. Маня, в первую очередь сообщаю я Вам, что я пока жив и здоров что будет дальше. Нахожусь все пока на старом месте. Жить пока можно. Сказать нечего, с большим с трудностям пока сталкиваться не приходится. Что будет вперед сказать трудно сейчас. Служба моя: работаю на лошадях, вожу снаряды. Маня, еще сообщаю я Вам, что я вам послал денег четыреста руб. (400 р). Когда их получишь то мне - сообщишь. Я буду знать, получила или нет. Еще, Маня, прошу Вас, если привезешь дочек, то их сними и пришли на память карточку. Я хоть здесь на их посмотрю, если буду жив. Ну, вот и все, что хотел я Вам сообщить, а пока до свидания дорогая моя семейка. Ваш папа Ширин К.

8. Добрый день. Здравствуй дорогая милая жена. Маня, шлю я вам свой чистосердечный пламенный привет и нескончаемых горячих поцелуев и пожелаю всего наилучшего вашей жизни, а самое главное вашего здоровья.

Маня, сообщаю, что ваше письмо получил, которое вы писали 18.V.42. Маня, вы пишите, что ходили в деревню, но дочек поприветствовать не пришлось, ну, видно ничего не поделаешь, хотя, вам, наверное, одной там скучно, а во-вторых, им, наверное, в деревне лучше, чем будет в городе, там, наверное, есть молочко, пусть они там поправляются. Маня, теперь я вам опишу про свое существование. Маня, я пока жив и по-старому здоров, что будет дальше, сказать трудно. Нахожусь все на старом месте, почти как и выехал из Ленинграда стоим в болоте. Теперь стало тепло, только очень жрут комары, не дают никакого спокойствия. Ну а так, все пока в порядке. Ну, вот и все, что хотел я вам сообщить, пока до свидания дорогая моя Маня. Остальное, жив и здоров, и вам того желаю. Ваш муж Ширин К. 1/VI-42.

Ярославская область, г.Кострома, улица Новозагородная, дом 30, кв.1 Шириной Марии Николаевне. П.П.С. 949 1015 с/п, батарея 76, м/м Ширин К.П.

9. Привет с фронта. Здравствуйте дорогие родные. Тятенька Никонор Степанович и маменька Таисия Алексеевна, и Зинаида Николаевна. Шлю я вам свой чистосердечный пламенный боевой привет и множество наилучших пожеланий вашей настоящей жизни, а самое главное желаю доброго здоровья еще. Кланяюся своим милым и дорогим дочкам, шлю я им свой родительский чистосердечный привет и множество горячих поцелуев и от души желаю доброго здоровья в их малолетней жизни. Зина, в первую очередь сообщаю, почему-то я от вас уже как месяц не получаю писем и сам не знаю почему.

10. 3 июня 1942 г.

Добрый день. Здравствуй дорогая моя жена Маня. Шлю я вам свой чистосердечный пламенный привет и тысячу горячих поцелуев и желаю всего наилучшего в вашей жизни и, самое главное,

хорошего здоровья. Маня. В первую очередь, сообщаю я вам, что письмо я ваше получил, в котором пишите и говорите, что очень расстроена в том, что осталась в комнате одна, и на счет дров. Маня, прошу вас о таком пустяке не расстраиваться в настоящий момент. Ничего, сейчас печку топить, наверное, не надо. А когда будет холодно, тогда будет видно. Что-нибудь там сделаешь, можно из этого положения выйти. Можно, только бы была жива, и об этом прошу, не расстраивайся, а во-вторых, что отобрали щепки, об этом то же самое. Маня, теперь на счет дочек, раз они там получают как тогда, пусть еще поживут в деревне, хотя тебе одной и скучно, но сама знаешь, повыгоднее с хлебом, положение неважное. И так пусть лето живут в деревне. От мамы я уже получаю писем 5. Теперь, Маня, опишу пару слов про свою жизнь. Я пока жив, здоров, что будет дальше, сказать трудно. Нахожусь все еще на старом месте, только нас здесь едят комары, так что нет никакого терпения. Ну, вот и все, что хотел вам сообщить. А пока, до свидания дорогая жена Маня, ваш муж Ширин К. 3/VI-42.

Действующая красная армия п/п, станция 949, 1015 с.п., батарея 76, передать Ширину Константину Петровичу. Ярославская область, г. Кострома, улица Новозагородная, дом 30, квартира 1, Ширина М.Н.

11. 12 июня 1942 г.

Добрый день. Здравствуй дорогая моя милая жена, Мария Николаевна. Посылаю я вам свой чистосердечный пламенный привет и несколько горячих поцелуев и желаю всего наилучшего в вашей жизни, и самое главное, в вашем здоровье. Маня, сообщаю я вам, что я ваше письмо получил, которое вы писали 31/V-42. Маня, вы пишите, где я нахожусь. Маня, сейчас моя служба такова, я имею двух жеребеноков, мне приходится выполнять все, что требуется, и так что я за ними ухаживаю. Нахожусь я на самом фронте, ну а что я на нем делаю, это вам знать не обязательно.

Маня, я еще жив и по-старому здоров, что будет дальше, сказать очень трудно. Придется с вами увидеться или нет. Маня, а так сказать нечего, но ухо держать приходится очень востро, а то сразу можно попасть. Маня, вы пишите, что дочки еще в деревне, ну и пускай там еще поживут, но тут вам одной скучно, но зато поспокойнее, а поэтому с хлебом у вас более менее положение стало лучше, а там гляди, как хочешь, дело ваше. Маня, еще пишу про … , адрес его такой П.П.С. 1590, 268 С.П. арт. Батарея, Миронов. Ну, вот и все, а пока, до свидания дорогая Маня. Остальное, жив и здоров, и вам того желаю. Известный вам ваш муж, Ширин К. 12/VI-42. Ярославская об., город Кострома, улица Новозагородная, дом 30-1, Шириной Марии Николаевне. П П С 949, 1015 С П, бат. 76 м/м, Ширин.

12. 10 июля 1942 г.

Добрый день. Здравствуй милая и дорогая моя жена Маня, шлю я вам свой чистосердечный пламенный привет и несколько горячих поцелуев, и желаю я вам всего наилучшего вашей жизни, и, самое главное, хорошего здоровья. Маня, в первую очередь, сообщаю я вам, что я пока жив и по-старому здоров, что будет дальше. Жизнь моя пока все по-старому, нахожусь все на старом месте, так что пока жизнь идет безо всяких изменений. Маня, только очень стало скучно по вам и по дочкам, так что никак не могу дождаться, когда бы с вами увидеться, да видимо скоро и ждать нечего. Маня, прошла весна красная, проходит и лето, проходят и праздники, Иванов день, затем Петров день, это все вспомнил, как гуляли эти все праздники, а сейчас это все переживаем в лесу, где окромя военных никого не встретишь. И это все вспомнил и становится очень грустно, придется ли вернуться к старому, к прошлому, сказать очень трудно. Маня, еще больше скучаю, потому что от вас я давно не получаю писем. Последнее ваше письмо получил 25/VI-42, и поэтому я

расстраиваюсь, потому что от вас ничего, ничуть. Как вы там поживаете и что у вас нового, и как ваше здоровье. Маня, пиши письма чаще, мне будет повеселее только. Только когда получишь письмо от вас и прочитаешь, и думаешь, как с вами повидался. Маня, бумаги мне пока не шли, у меня есть, а когда потребуется, а вам напишу. Маня, прошу вас там много не расстраиваться, сама себя побереги, это вам потребуется для будущей вашей жизни. Маня, опиши, ходила в деревню на Иванов день или нет, и как на счет дочек, привезла или еще в деревне. Ну, у меня пока и все, что я вам хотел сообщить. А пока, до свидания дорогая Маня. Остальное, жив и здоров, и вам того желаю. Жду вашего ответа, как соловей лета. Известный вам ваш муж, Ширин К. Ярослав. область, г. Кострома, улица Новозагородная, дом №30-1, Шириной Марии Николаевне. П.П.С 949 1015 с/п, бат.76 м/м, Ширин К.

13. 1 августа 1942 г.

Добрый день. Здравствуй милая и дорогая моя жена Маня, шлю я вам свой чистосердечный пламенный привет и несколько горячих поцелуев, и желаю всего наилучшего вашей жизни и вашем здоровье. Маня, в первую очередь, сообщаю, что я ваши письма получил 30/VII-42 сразу, которое Вы писали 21-24-/VII-42, за которое сердечно благодарю. Маня, вы пишите, что жить становится все труднее и труднее, что я и предполагал. Маня, там как-нибудь помаленьку переживай эти все трудности, продавай если что-нибудь. А если жив буду, верну обратно, нажить можно. И там больно сама себя не мори, а то у вас итак здоровье не важное. Хотя у меня есть простой карандаш, а адрес простым не напишешь. Маня, в этом письме опиши по силам или нет, я буду знать. А если достать нельзя, то там особо не сомневайся, адрес написать возьму у товарищей. Ну, вот и все. Опиши, какая стоит погода. Ширин К. Маня, прошу вас, возможно, сумеете там достать мне химический карандаш, и если можно, то прислать. А

то у меня нет карандаша, а здесь достать негде. Если достанешь, то запечатай как-нибудь, и еще, чтобы не так заметно, туда сверни какой-нибудь бумаги вроде газеты или какой-нибудь. Маня, а дочки пускай живут в деревне, там им лучше. Теперь в деревне есть грибы и ягоды. Маня, вы писали, что у вас 28/VII-42 будет комиссия, если была, то о результатах опишите. Теперь Маня опишу пару слов про свою жизнь. Я сейчас жив и здоров, что будет дальше, сказать очень трудно. Нахожусь все на старом месте. Жизнь протекает без изменений. Живём в лесу, в болоте, как дикари. Маня, вы пишите, долго ли пройдет такая мука. Этому страданию пока конца не видно, и сказать очень трудно. Придется нам с вами увидеться, тоже сказать трудно, потому что война…

14. 8 августа 1942 г.

Добрый день. Здравствуй милая и дорогая моя жена Маня. Шлю я вам свой чистосердечный пламенный привет и несколько горячих поцелуев, и желаю всего наилучшего вашей жизни, и также хорошего здоровья. Маня, в первую очередь, сообщаю, что я пока жив и по-старому здоров. Жизнь пока все по-старому, без перемен. Маня, я беспокоюсь, что почему-то давно от вас не получал писем. Последнее ваше письмо получил, которое вы писали 15 сентября. Возможно, не получаю, потому что у нас сменился адрес. Будешь писать письмо по новому адресу. Маня, если есть уже бумага, то пришли, у меня нет ничего. Ну, вот и все, что я вам хотел сообщить, а пока до свидания. Остальное, жив и здоров и вам того желаю. Ваш муж, Ширин К. 8/VIII-42. Я.О. г. Кострома, улица Новозагородная, дом №30-1, передать Шириной Марии Николаевне от Ширина К.П. 949 полевая почта, часть 816.

15. 20 августа 1942 г.

Добрый день. Здравствуй милая и дорогая моя жонка Маня. Шлю я вам свой чистосердечный пламенный привет и несколько

горячих поцелуев, и желаю всего наилучшего вашей жизни и, самое главное, хорошего здоровья. Маня, в первую очередь, сообщаю я вам, что я ваше письмо получил, за которое я вас сердечно благодарю. Маня, вы пишите, что послали мне карандаш, но я его не получил, видно кто-нибудь вынул, ну что сделаешь, попишу и простым, и больше не посылай, все равно не дойдет. Маня, еще вы пишите, что очень стосковала, и хотя бы посмотреть на меня. Там с меня у вас есть фотокарточки, и вы можете посмотреть, но у меня здесь с вас с не с кого нет, и посмотреть не на кого. Потоскуем, потоскуем и помаленьку обратно успокоимся. Маня, пару слов опишу про свое существование. Я пока жив и по-старому здоров, только замаяли гады, ну, когда-нибудь подживут. Находимся пока все на старом месте. Жизнь тоже проходит пока все по-старому. Ну, вот и все, что я вам хотел сообщить, а пока, до свидания милая и дорогая Маня. Остальное, жив и здоров, и вам того же желаю. Известный вам ваш муж, Ширин К. Ярославская область, г. Кострома, улица Новозагородная, 30-1,Шириной Марии Николаевне. П.П.С 949 1015 с/п, батарея 76, Ширину.

16. 5 ноября 1942 г.

Добрый день. Здравствуй дорогая и милая жонка Маня. Шлю я вам свой чистосердечный пламенный привет и множество горячих поцелуев, и желаю всего наилучшего вашей жизни и хорошего здоровья. Маня, в первую очередь, сообщаю я вам, что я ваше письмо получил, за которое я вас сердечно благодарю. Еще в письме два листа бумаги. Маня, вы пишите, что я вам такое письмо написал обидное. Маня, я тогда был очень расстроен, потому что я от вас долго не получал писем, и был все время очень расстроен. Еще больше расстраивался, потому что у вас неважное здоровье , а через это можно было всего думать. Маня, вы прислали бумаги, а у вас у самой, наверное, писать не на чем. Маня, вот уже скоро семнадцать месяцев как я нахожусь на фронте, как я с вами

расстался. И за этот период я по вам очень стосковал, и также по дочкам. Посмотреть хотя бы из-за уголка как вы там поживаете.

Война в Афганистане 1979—1989 гг.

Головин Андрей Николаевич

Выпускник 1985 года электротехнического отделения Костромского техникума им. Ф.В. Чижова. После окончания техникума был призван в ряды Советской Армии. 2 года служил в Афганистане. За боевые действия награжден медалью «За отвагу». А в 1995 году – Чечня, Грозный, Разведчик. В Чечне был награжден ценными подарками.

Письма семье.

1. Привет из ДРА!!!

Здравствуй Мама, Папа, Миша и Бабушка!!!

Получил от вас вчера письмо, на которое спешу ответить. Как я понял, это уже второе письмо, но я получил только одно, поэтому я ничего и не писал, последнее письмо я получил давно и сразу же на него ответил.

Теперь немного о себе. Начну с самого главного, с погоды. У нас зима лютует, погода резко попортилась, сначала 2 дня мела метель, а потом ударили морозы. Снегу намело целые сугробы, сантиметров 30-40, а мороз почем держится до -15°С, как-то ночью было до -18°С, в то время когда в Москве -2°С, по Московскому

радио передавали, что такой зимы в ДРА не было уже более 100 лет.

Сейчас уже немного поправились, а сначала думали – умрем от холода. Но нам еще повезло, что мы живем в палатке, 2 печки постоянно топятся, у нас тепло. Ночью даже без одеял спим, а кто в модулях живет, тем совсем плохо, там отапливают плохо, у меня в комнате батареи горячее, а толку нет, я себе печку ставлю электрическую, киловатт на 5, так у меня тепло. Как включаю – даже напряжение в сети падает, провода еле выдерживают, розетка одна уже сгорела, зато тепло. Как похолодало – сразу же работы прибавилось, везде все горит, вся проводка гнилая, я уже сплю с плоскогубцами в кармане. Ночью, бывает, поднимают, говорят: проводка горит, пожар. Ну, тут у меня 45 секунд подъем и вперед, сразу все поперекусываю и опять спать, а днем проводку меняем. На дизельной все дизеля из строя вышли, один остался, если тот сломается, то останется полк без света, тепла, воды и пищи. А тот дизель, если работает, по вечерам бегаем, приходится отключать казармы, модуля, чтобы разгрузить. Вчера вот закончили все аварийные работы, теперь время свободное есть. Опять можно книжки почитать. Вчера пришел из караула, некого было поставить, ну и всунули меня на двухсменный пост, точно 6 часов отстоял на морозе, но там не страшно, дали тулуп, валенки, рукавицы теплые, никакой мороз не пробирает, а так в сапогах ноги мерзнут. На разводе постоишь, и уже коченеют. Вчера ходил в офицерскую столовую работать, пообедал в «греческом зале», где наш ком.полка обедает, всего наелся: и колбасы, и сала, и апельсинов, душу хоть отвел, всего поел. Недавно ездил в командировку в «Шерхан», поработал там часа 2, и 2 дня ничего не делал, сначала один день 16 часов проспал, только поужинать и позавтракать.

Здоровье у меня хорошее, не болею ничем, только насморк подхватил небольшой с этими физическими зарядками. У нас здесь почты уже целую неделю не было, каждый день почтальон в дивизию ездит в Южный Кунвуз и не привозит, вот вчера 2 мешка писем приволок, я только 1 получил из дому.

А так у меня все нормально, служу потихоньку, и нечего расстраиваться: от мая до августа всего 90 дней, это не 2 года (730 дней). На этом заканчиваю. Желаю всего самого наилучшего. До свидания, Андрей.

P.S. Лезвия и иголочки дошли нормально, спасибо, я как раз вчера последнюю иголку сломал.

Еще один P.S. Только что получил еще одно письмо с открытками. Вот это самая нужная вещь, большое спасибо, мама, что додумалась выслать, у нас во всем полку ни одной открыточки не было, себе только 2 оставил, остальные все раздал. До сих пор ходят, благодарят, наши ребята веселели и тебе спасибо передать в письме, такая радость была, все стали сразу подписывать. Мама, я уж тебе открытку не посылаю, друзьям пошлю кому-нибудь, не обижайся, хорошо?! Дописываю это второе на другой день, вчера ночью заступили в наряды, людей нет, все уехали в командировку. Меня опять поставили на ночной пост, сегодня пришел, лег спать, проспал до обеда, потом немного поработал. И еще одна новость, тут мы по 1 чеку скинулись, купили радиоприемник на батарею. «Альпинист 320» поставили в палатку, теперь весело, и ночью засыпаем с музыкой. От бабы тоже письмо получил, сейчас ответ сяду писать. Пока все.

Дорогие Мама, Папа, Миша и Бабушка, я и воины-интернационалисты 2-ой артиллерийской батареи поздравляют вас с Новым Годом. И высылают вам наилучшие пожеланиями. Помните, что южные рубежи нашей Родины в надежных руках. 18.12.86

Полевая почта в/ч 39696 «Г»

2. Привет из ДРА!!!

Здравствуй Мама, Папа, Миша и Бабушка!!!

Решил написать письмо, делать потому что сейчас все равно нечего. Нахожусь я сейчас на боевых действиях. Стоим мы в самом Южном Кундузе, возле аэродрома, и ведем огонь по Кундузской зеленке. Сначала мы отъехали в степь от полка всего на 20 км там уже начались сопки высотой метров 40-50, ходили мы с разведчиками. Разведчики прочесывали, а мы только уничтожали. У нас было 3 разведывательных группы, они ходили на засады, а мы их прикрывали. Там было здорово, сейчас кругом зелень, там жили мы нормально, стреляли немного, в основном цели были за 20 километров, мы до них не доставали, приходилось реактивщикам работать, а мы стояли, но не долго мы там, легче стало, радиостанция ни одна не работает, только телефон, сначала тяжело было около телефона стоять с трубкой, но сегодня и один ящик разобрали, который называется коммутатор, телефоны соединил через динамики, 2 динамика есть, один в машине, другой выносной, теперь у телефона стоять не надо, сижу у костра или сплю в палатке, только динамик поближе к уху. Как заорет – сразу проснусь. Ничего. Дежурили вечером на связи по 2 часа. Вот сейчас дежурю, пишу письмо, слушаю приемник – музыку. Короче, у нас тут как в походе: ремень я не ношу, сапоги тоже, хожу в шлепанцах. Никаких построений. Сегодня, правда, было у нас ЧП, но не в нашей батарее, а в 1-ой. Ночью самостоятельно по графику вели огонь, и кто-то из заряжающих спросонья сделал другой заряд. Один пучок пороха из гильзы не вынул, ну, и стрельнули на 2,5 км дальше по «зеленым». Завтра ждем комиссию. Вот сейчас стоим, не знаю долго ли будем еще стоять, пока не очистим Кундузскую зеленку от душманов. Потом перегнали нас в Южный Кундуз, вот теперь здесь стоим. В

основном вешались факела, т.е. стреляли осветительными, еще огневые полеты делали. Например, нас тут стоит 16 орудий, дали нам 8 целей, вот сегодня было 200.25-20.30 огневой налет, цель 516 и 517, расход по 40 снарядов на цель. И вот как все начинает стрелять… Сегодня в бинокль смотрел, как мы поселок налетами в степь превратили. Совсем небольшая дальность 12-13 км. А у нас тут здорово, питаемся отлично. Сначала сухой паек выдавали, у нас его столько наполнилось, что до сих пор едим. Не простой сухпай, а горный, там все есть: банка супа рисового с черносливом, банка картошки, банка сгущенки,3 тушенки маленькие по 100 г. всего, потом сок есть, витамины, пакетик печенья, 3 пачки галет, сухой спирт и коробка охотничьих спичек, и даже ароматизированные салфетки. Да у нас в машине всего навалено, перед выездом всего получили. Вчера суп варили. Тут у нас случай такой был. По рации с орудий передавали, что тут к нам зашел бычок, случайно забрел (это еще когда на сопках стояли). Вот нам старший офицер батареи Грибов А.В. дает команду, чтобы доставили нам его на КШМку, а наша машина стояла в метрах 400 от САУшки. Загнали мы его на сопку, оценили, а поймать не можем, часа 2 ловили безуспешно. Кидается на людей, бодает. Смотрели мы, смотрели, потом команду дали завести двигатели и расстреляли его, так что никто не услышал, целую неделю ели свежую говядину.

На другой день ишак забрел, на ишаке катались по 2-3 человека, уже сновать-то негде, а он все возит. Сейчас вот стоим в Южном, у нас тут неплохо, поставили палатку, спим в ней. Спим на матрасах, не мерзнем, стоим на лугу, костерчик горит, машина (не «жигули» правда), но все равно как автотуристы. Со связью не очень, а то они активизировались. До чего дошло: обстреляли заставу, имеются жертвы. Вот мы и выехали, почти по тревоге. Сначала сказали, что на Саланг поедем, но это, наверное,

специально такой слух распространили. Мы собрались, взяли вещи, рукавицы, все зимнее обмундирование, а потом резко изменилось. Вот и все. Такие у меня дела. Письма нам возят каждый день, и отправлять можно свободно. В 50 км от нас наша батарея стоит на охранении. Вот и все, жду писем, адрес мой прежний. Желаю всего хорошего. До свидания. Андрей.
15.03.87 «Полевая почта» 39696 «Г»

3. Привет из ДРА!!!

Здравствуй мама, папа, Миша и Бабушка!!!

Получил от вас письмо, сразу же даю ответ. Служба сейчас у меня идет нормально. Нахожусь я сейчас в Пули-Хумрях. Стоим сейчас в отстойнике. У нас идет 12 дневная программа обучения. Начну все по порядку. После обстрела Советского Союза 8 марта сразу же мы выехали на боевые действия, если хочешь узнать немного подробнее – читайте «Красную Звезду» за 3 апреля 1987 года, там все написано. Повторяться я не буду. Так вот, выехали мы в район того самого кишлака Альчин, он от нас находится в 10 км. Там постояли неделю, потом поехали в Южный Кундуз. Нечем эту зеленку обстреливать. С другой стороны – мы всех духов оттуда выбили, остатки банды ушли в Ханабадскую зеленку. И поэтому мы собрались ехать в С. Кундуз в полк, как пришел приказ совершить марш в Баглан. Мы уже идет туда 2-ой раз. Там мы стояли в самом почти городе, на стадионе, потом уехали дальше в город на прямую наводку. Там уже зеленые сражались за каждую улицу, каждый дом, а мы их поддерживали огнем. С помощью нашей артиллерии город они взяли за 4 дня, там у душманов был мощный укрепрайон. Захватили, их много взяли в плен, много убили, захватили боеприпасы. Набрали мы и трофеев – мешок муки, мешок сахара, одеял теплых, в огородах натаскали морковки, редиски – загрузились продуктами хорошо. Корову еще одну зарезали. Если мы там отлично, чего только не делали.

Постоянно плов, шашлык, жареное мясо. Из сахара даже леденцы варили и тянучки (на сухом молоке делали). Витамины мы сейчас употребляем, дома столько не едим. После Баглана совершили еще марш 50 км. До Пули-Хумри, сейчас уже до Кабула, но это очень далеко – 260 км. У нас техника гусеничная, а тут предстоит через горный перевал Саланг. Тут смотрел – высоко, 3470 м. Дальше карта кончается, а дорога все в гору идет. Там с гусеницами не идут, как коньки, да и машины наши 28 тонн весят. Сначала пригнали трейлера, хотели на них перевезти, но наши САУшки на платформу не убирались. Сейчас вот стоим, чего-то ждем. Далее через 3 недели скорее всего поедем в полк. Все пока отменили до 10 мая, пока не закончатся боевые действия, а потом начнут увольнять сержантов, потом механиков-водителей, а в июне даже будут увольнять рядовых, наиболее отличившихся солдат. Так что у меня есть возможность уволиться вовремя (в 20-х числах июня). Но меня могут и наоборот оставить, т.к. нет мне замены, у меня есть заменщик радиотелефонист. Работает плохо, и я его к связи близко не подпускаю. Как сядет на связь – так спит, и команды толком принять и передать не может. Как я его не обучаю, уже все пробовал: включал 2 радиостанции – одну спереди машин, другую сзади – тренировались. Не успевает записывать, так и приходится тут одному на связи «умирать». У нас командир то лучше его работает. Мы с ним друг друга замещаем. Я освоил его специальность старшего вычислителя, меня СОБ хотел поставить на его место, чтобы с мая до августа я был командиром расчета. Но я отказался, потому что ни к чему это. Если бы мне еще служить оставалось хотя бы пол года – я бы согласился. А сейчас уже поздно. Мне со связью как-то ближе. Тут я «в своей тарелке». Сейчас я считаюсь одним из лучших радиотелефонистов в дивизионе, а в вычислении мне еще надо совершенствоваться. Я сейчас незаменимый человек в батарее. Уже 2 САУшки

отремонтировал. Одну уже хотели в полк отправлять, потом меня попросили, полдня сидел, копался в щитках, в проводке, потом все-таки нашел неисправность. Потом другую машину дали ремонтировать – тоже сделал.

Вот так потихонечку и живем. Сегодня уже месяц как мы воюем. Да если бы так жить, так бы и до августа остался тут торчать, только бы полк не видел. Здоровье у меня нормальное, ничем не болею, даже насморка нет. Сидим мы в машине или в палатке – кто где пожелает. Рядом поставили палатку. Питание у нас отличное, на завтрак чай пьем с блинами, на обед на ПХД ходим суп берем, а на второе плов. На ужин жареная картошка, тоже сами делаем. Продуктов сейчас море. Сейчас вообще стоим, отдыхаем. Спим вдоволь по 10 часов в сутки. Остальное время или загораем, или еду готовим, книжки читаем, или письма пишем.

Плов научился готовить по-настоящему, по-узбекски. Отлично получается. Сейчас читаю книжки. Шолохова «Тихий Дон» прочел, сейчас читаю детектив. Отдых у нас сейчас нормальный идет. Вот и все, на этом я кончаю. Вроде все написал. Пойду сейчас плов есть. Передавайте всем от меня огромный привет. От бабы открытку поздравительную получил, передавайте ей спасибо.

Желаю всего хорошего. До свидания. Андрей.

10.04.87

Через 3 дня мне будет ровно 21 год.

Через 3 дня будет ровно 2 года, как я в армии.

4. Привет из ДРА!!!

Здравствуй Мама, Папа, Миша и Бабушка!!!

Вот решил написать письмо, сейчас пока никому ничего не пишу, жду, чем дело кончится. А дело-то в том, что у нас будут отправлять с 5 по 10 мая, но так получилось, что увольнять будут

всех: и рядовых и сержантов, кроме наводчиков Д-30, механиков МТЛБ и радиотелефонистов. Первых двух у нас нет, а нас, радиотелефонистов, в списки увольняемых не вписали. Придется нам уходить в августе, но еще не все конкретно. Сразу как узнали, что меня в августе надо увольнять – сразу все за меня горой: комбат, взводный, даже командир дивизиона ходили в штаб к командиру полка, просили за меня. Хотели перевести меня на должность заряжающего, чтобы я мог уехать, но для этого нужен приказ командира полка. А он против. К нему тоже ходили, но потом поговорили, оказалось, что можно сделать мне (только одному человеку) увольнение, вместо того провинившегося солдата, который попал на гауптвахту, вписать в списки увольняемых мою фамилию. Вот сейчас никто и ничего пока не знает, одно знаю, что документы мои забрали в строевую, готовить к увольнению, записали все значки, присвоение классности (радиотелефонист 3-го класса), отличник боевой и политической подготовки, ВСК.

Сейчас я в карауле стою на 1 посту в штабе у знамени. Слышал такие разговоры, что завтра, если командир полка сам будет пересматривать списки, как кого он может оставить до августа, а вместо них уволить как у нас говорят «достойных». Спросил я у писаря, сказал он, что насчет меня говорил старший лейтенант Грибов, что договорился, чтобы меня должны уволить. Одно беспокоит: в списки меня еще не вписали. Завтра все решится. Первая отправка будет 5 мая, последняя планируется 17 мая, списки которой составляли в нашей батарее. Наш призыв очень большой 16 человек. Я в нем 7-ой. Но у нас 5 сержантов, их в первую очередь написали. Вот такие новости. Да еще парадок нет, увольняться не в чем. Говорят, что будут увольнять в эксперементалках, но их на складе тоже мало, на всех не хватит. Вот сегодня поехали в дивизию за парадками, не знаю, привезут

или нет. 25 апреля вернулись из боевых действий, воевали целых 1,5 месяца. С Пули-Хумрей мы тогда поехали на Талукан. Там рыбу в реке руками ловили что-то вроде карпов и наших верхоловок от 200 г до 1 кг. За 10 минут до 10 кг налавливали прямо руками из-под камней. Из этой рыбы уху варили, жарили. Потом с Талукана поехали назад в Пули-Хумри, оттуда на Мазари-Шариф. За двое суток добрались, да еще от Мазари-Шарифа полдня ехали по улицам да горам.

Когда проезжали Мазари-Шариф, у всех просто глаза на лоб вылезли: такой красоты еще не видели – такие мечети, дома!!! В городе есть проспект с 4-х рядным движением, везде плакаты нашей рекламы. А в центре города есть мечеть. Так красиво сделана, подойти к ней можно по аллеям через парк, засаженном какими-то тропическими деревьями. Когда ехали назад, мы этот город проезжали вечером. Это вообще было бесподобно, мечеть освещалась какими-то невидимыми синими и желтыми прожекторами, на дорогах вся реклама мигала и светилась.

На этом я кончаю, писать уже никому не буду. Если оставят до августа, то напишу, а если в ближайшее время узнаю, точно служу или нет – тоже напишу.

Высылаю фотку, это мы на Альчинском мосту, выезжали на годовщину апрельской революции. 27 апреля 1987 на нашей машине САУ 2СЗМ №924 им. прапорщика Бордуна, это был техник нашей батареи, отличный специалист, разбирался во всем, в честь него и назвали эту машину. А теперь служим мы.

Жуков Михаил Владимирович

Рассказывает Барышникова Наталя Владимировна: «После окончания 8-ми классов 41 средней школы поступил в Костромской химико-механический техникум имени Л. Б.

Красина, ныне Костромской энергетический техникум имени Ф. В. Чижова. Учился в техникуме и одновременно занимался в Костромском областном клубе служебного собаководства. Дрессировал немецкую овчарку по кличке «Нейрон». Вместе с ней собирался в армии служить на границе. Диплом защитил 28 февраля 1984 года и получил квалификацию техника-электрика. До призыва в вооруженные силы работал по специальности на заводе «Луч». Его работа длилась всего 1 месяц. В апреле месяца его призвали в армию.

Из книги Памяти Советских воинов, погибших в Афганистане узнаем о его подвиге: Жуков Михаил Владимирович, рядовой, родился 12 марта 1965 года в г. Костроме, Русский. Учился в химико-механическом техникуме. В вооруженные силы СССР призван 14. 04, 84г. Свердловским РВК Костромы. В республике Афганистан с августа 1984 года. Неоднократно участвовал в боевых действиях. 8.06.85 г. нес караульную службу в пункте постоянной дислокации полка. Неожиданно противник начал артобстрел территории полка из минометов. Находясь на боевом посту, Михаил Жуков был смертельно ранен осколками мин. За мужество и отвагу награжден орденом «Красной Звезды». Похоронен в г. Костроме».

Свои письма адресует семье.

1. Мама, папа и бабушка – здравствуйте!

Получил от вас письмо. Мама, как вы там поживаете? Что нового у собачников, и что делается в клубе? Мама, писем никуда писать не надо. Недавно мы ездили в самую холодную точку в Афганистане. Она называется «Саланг», там такая же погода как дома, еще до

сих пор лежит снег. У нас на батарее появился щенок немецкой овчарки, сейчас ему около двух месяцев. Служба моя идет нормально, я ничем не болею. Погода у нас стоит жаркая, ночью правда еще прохладно. Да, вот что еще оказывается, около меня служил парень, с которым мы вместе в техникуме учились, только в разных группах. Он живет на проспекте Мира около тети Люды. Ну, вот и все. До свидания. Целую. Ваш сын и внук Миша.

26.04.85 Полевая почта в/ч 51863-р

2. Мама, папа и бабушка, здравствуйте!

Спасибо вам за поздравления. Ты спрашиваешь о мальчике, т.е. о земляке, я же о нем уже писал, но раз спрашиваешь, то напишу. Я вместе с ним учился в техникуме. Он живет около тети Люды Соколиной, а зовут его Галочкин Андрей. На днях у нас из батареи будет первая отправка дембелей. Вот так же через год и я поеду. Этот год прошел быстро, следующий прошел бы еще быстрей. Я тебе скоро вышлю одну фотографию, которая тебя удивит, только не пугайся. Фотография смешная. А у меня беда приключилась, я потерял блокнот с адресами. Мама, как Нейрон тебя слушается? Сегодня у нас один офицер уехал на дембель домой. Ты знаешь, что офицеры здесь служат тоже по два. Ну, вот вроде и все. До свидания, целую. Ваш сын и внук Миша. P.S. Поздравляю вас с праздником Победы. 05.05.85.Мама, как ты провела 1 мая, напиши.

Полевая почта в/ч 51863-р

3. Мама и папа здравствуйте!

Получил от вас письмо, за которое вам большое спасибо. Мама, у меня все нормально. У нас здесь сильная жара. Ночью тоже стало тепло. Только вот начался ветер. Он может дуть неделю, а может и больше. У меня все нормально. Мама, высылай

мне лезвий в каждом письме. Как там сейчас в Костроме? Что нового? Как вы там поживаете? Что нового на заводе? Передавай всем привет. Мама, скажи Валерке Разумову, чтобы они все сфотографировались и присылали мне фотографию. Ну, вот вроде и все. До свидания. Целую, ваш сын Миша. 1.06.85
Полевая почта в/ч 51863-р

Фионин Станислав Юрьевич

Рассказывает о себе: «Родился в Костроме в 1961 году. В 1977 году пошел заниматься на ипподром, и до сих пор занимаюсь с конями. В 1979 поступил в школу рукопашного боя, где «звезд не хватал», но был не последний. 1 апреля 1981 г. призвался в Армию, изначально распределение было в Чехию. Но в этом году были большие потери в Афганистане, поэтому из Самарканда меня резко перебросили на самолете: 2 часа и я уже там – в Кандагаре. Это где-то 50-80 км от трех границ: Афганистан, Иран, Пакистан. За время службы вступил в кандидаты члена КПСС, был отличник боевой и политической подготовки. Было уже написано заявление в школу офицеров, но 2-е ранение помешало. 10 августа 1982 г. попала разрывная пуля практически в голову. Как остался живой? Практически чудом. Полгода в госпиталях (в Кандагаре, Ташкенте, военно-клинический госпиталь в Питере, потом Костромская областная больница), но ничего, выкарабкался. Хотя до сих пор не могу пройти через «рамку» – осталось много осколков, все звенит. После армии женился: двое деток, трое внуков. Трудился в

основном ИТР среднего звена, вел клуб по рукопашному бою для 7-8 классов. В 2012 году присоединился к казачьему обществу. Здесь занимаю должность советник Атамана. На конюшне был командиром конвоя, потом по состоянию здоровья перешел на коменданты конвоя. Чин сотник – в табеле о рангах это старший лейтенант. Офицерская школа «накрылась» из-за ранения, офицерский чин получил уже в казачестве».

1. Здравствуй мама!

Вот пишу тебе очередное письмо и думаю, когда я от тебя получу очередное письмо? Ведь от тебя уже больше недели нет писем. У тебя работы много, да? Я ведь не знаю, что у вас там делается, так хоть пиши через дня 3 что ли. А то 8 дней. А откуда я знаю, может там с тобой случилось чего – нельзя же так.

У меня все в полном порядке. Живу потихоньку. Соплю в две дырочки. Мам, я недавно скворцов видел! Наших! Русских! И трясогузок стало здесь много. К нам прибыло пополнение. Из учебки сержанты (мой призыв). На днях пришло еще 200 человек. Говорят, что через месяц-полтора приедет новое пополнение уже из карантина. У нас половина дембелей уехало домой. Мам, наш ротный говорит, что всех гранатометчиков будет набирать из молодого пополнения, а нас кого куда (кого в пехоту, кого еще куда). Мне предложили пулеметчиком на БТРе. Я не отказался.

Мам, последние 3-4 дня я не мог тебе писать, потому что был в парке. Я помогал водителю ставить новый мост (задний). Сейчас мы в карауле. И я улучил момент и пишу тебе письмо прямо на посту. Ну, вот, в общем-то, у меня все.

А как у тебя дела? Чего нового? Как Федя? (мяу!!!) Как погода? Что директор? Как Вовка? Как лес? Грязи много? Как стройки? Передавай там всем от меня привет! До свидания! Целую! Станислав.

2. Здравствуй мама!

Привет из Ташкента!

Мам, я писал тебе, что сидел на аэродроме целых 8 дней, потом мы сели на самолет ИЛ-18 (4-х моторный) и полетели. Куда нас направят – мы не знаем, поэтому смотрели все время вниз, но разве поймешь вечером куда летишь? Вылетели мы в 20:05 по-местному. Это после ужина (мы с этой подготовкой не успели поужинать). А прилетели часов в 19 по-другому местному (по-Ташкентски). Так что поужинать успели.

Поселили нас в госпитале. Здесь мы строим новое здание для больных. Едим вместе с ними, подъем вместо 6 часов, часов в 8. Вместе с ними 2 раза завтракаем и обедаем (!), и ужинаем тоже. У них отбой в 11, а у нас часов в 9-10. Вообще здесь в 100, если не больше, раз лучше. Здесь есть 2 магазина. Один продовольственный, другой – промтоварный. Только вот денег нет. Если можешь, вышли мне рублей 10. Можно меньше, больше не нужно. В общем, сколько тебе позволяют финансовые ресурсы. Посылок, бандеролей тоже посылать не надо. Здесь все есть.

Да! Самое хорошее – это то, что мне выдали (под роспись) инструмент: ножовку, топор, молоток, стамеску, долото и брусок с паяльником.

Короче я рад по уши! Только нас не выпускают в город, но это пустяки. Нас сюда направили в командировку на месяц. Мам, адрес есть на конверте и еще в конце письма напишу. А денег все-таки хоть чуть-чуть вышли, я хоть чего-нибудь из письменных и умывальных принадлежностей куплю. Да, мам, тут ребята говорят, что можно сделать отпуск. Для этого надо справку, что кто-то лежит в больнице, ну, там с сердцем или еще с чем. У тебя ведь есть направление в санаторий, подумай. Может чего надумаешь, здесь лететь всего 2 часа до Москвы. Только дело в том, что вызов из военкомата (телеграмма) дадут только в том случае, если ты или

еще кто договорится с военкоматом или будет печать из больницы или еще откуда, что там на самом деле данное лицо находится на излечении.

Мам, придумай что-нибудь. Ведь на неделю-другую есть возможность слетать. Ну, у меня все. На здоровье не жалуюсь. Все в ажуре! Пиши новости. Баба Таня прислала поздравление с Новым годом. Скоро у нее день рождения. Я ее все-таки поздравлю. Мам, вышли мне 4 открытки «С Новым годом», а то здесь нет. Я вас всех поздравлять буду. Ну, до свидания! Передавай от меня всем привет! На чем сие письмо кончаю. Станислав.

Г.Ташкент-15, ул. Кафанова-124. ОВГ-340. 5 «б» отд. Инд.700015. Мне.

3. Здравствуй мама!!!

Сегодня у меня полный день радости. Сегодня 28.04.81 я получил первые 2 письма. Прошлые дни отправлял еще несколько писем на адрес Вовки. А сегодня могу написать прямо тебе. У меня все в порядке. Живу хорошо, в казарме. Часто бываю в нарядах по кухне. Но там приходится немного поработать, а я к этому привык. Так что здесь я сытый. У нас здесь несколько фотографов из ребят нашлось. Так что скоро пришлю фотографию. Денег больше не посылайте. Тот конверт, в котором были деньги, на почте был вскрыт, и деньги изъяты, хотя это запрещено. Но есть такие люди, которые, бывает, вскрывают предварительно: смотрят на лампочку, т.е. просвечивают. Как увидит какой-нибудь «товарищ», возьмет конверт, посмотрит на свет, увидит бумажку, аккуратно вскроет конверт, заберет деньги, и также аккуратно заклеит клеем.

Но ты мне в письме, которое посылаешь, вкладывай 1 конверт. Вот тогда мне не надо будет денег, а их нам пока не выдают. Посылок и бандеролей пока тоже не посылайте. Сегодня у дедов отправка. Ох, и завидуем мы им. Им уже через 2-3 дня

ходить дома, а нам еще 2 года служить. Как вспомним о доме, так сразу настроение падает. Деды называют это тоской. Но скоро это, говорят, пройдет. Помнить, конечно, будем, но не так близко к сердцу. Все пока. До свидания. Станислав.

4. Здравствуй мама!

Как я соскучился по тебе, и вообще по всему и по всем.

Передавай там от меня всем по большому привету и поздравь с 1 мая. А также я тебя поздравляю с праздником 1 мая, а заодно и с праздником 9 мая. Желаю тебе всего самого наилучшего. Хорошего настроения, а самое главное – меньше за меня переживать. Со мной ничего не случится. Ведь офицеры за нас несут полную ответственность. Нас готовят на связистов. У меня все в порядке. Сегодня 26.04.81 г. сдавали кровь по 200 гр. некоторые не выдерживали и после сдачи на выходе падали (теряли от слабости сознание), но у меня все было в порядке. Это все равно, что укололи, и все: что взяли, что нет. Я даже после сдачи головокружения и слабости не ощущал. До сих пор нет ни одного письма. Многим приходят, а мне все нет. Я даже не знал, что письмо здесь дороже золота. Самочувствие хорошее, загореть успел как у нас в Костроме в самое жаркое лето. Да, после сдачи крови давали чай, молоко, печенье, конфеты, и день выходной. У нас рядом горы, километров 20. Цветов нет. Есть маки, небольшие цветы, колокольчики, но не такие как у нас: один стебель, 2 листочка и цветок вытянутый такой же синий. Я бы сфотографировал, но фотографа и фотоаппаратов нет. Я посылаю тебе взамен букета 1 цветок. Мне ничего не посылайте. Пишите больше и чаще. Бываю в наряде (на кухню), так что сытый. До свидания. Целую. Станислав.

5. Здравствуй мама!!!

Нахожусь в Узбекской ССР. Нас учат на связистов, здесь жарко. Сегодня 13.05.81 г. получил от тебя письмо, которое ты писала 3.05.81 г. и получил письмо от Вовки нашего. Так и не было писем, Вовка пишет, что Саньку Кудряшова тоже забрали 7.05.81 г. куда – не знает, но его, наверное, забрали радистом. Он кончал от военкомата школу, кончил с отличием. На счет твоего сомнения о письмах и деньгах: письма-то я получил запечатанные, но денег в них не было. Распечатали на почте, и запечатали там же. На счет посылок я тебе написал. Денег нам еще не выдавали, но говорят, скоро выдадут. Я же тебе написал, чтобы ты вместе с конвертами высылала чистый листок, а то чтобы написать письмо, пришлось искать этот листок минут 15. У меня все в порядке. Только здесь жарко больно, руки как у Вовки стали: только не грязные, а загорели, потому что открытые все время, лицо тоже. Здесь очень плохо поставлены дела на счет писем. Или их майор задерживает, что которые приходят, что которые уходят, или на почте маринуются. Присягу принял, пока вроде ничего, сильно нас не тормошат, может после будут. Фотографии нет, еще не фотографировался, как-то замяли это дело. Нас в Германию уже посылать не будут. Туда кончился набор, но может в Чехословакию, может в Польшу, может южнее по этому военному округу. Все, я закругляюсь, бумаги больше нет. Пиши чаще, обстоятельно. Целую. Станислав.

6. Здравствуй мама!

У меня все по-прежнему. Живой, учусь на радио по-прежнему, изучил 6 типов. Говорят, скоро переправляют в часть. Сегодня даже номер сказали по алфавиту. Я 118. А всего нас 140 человек. Точно куда направят – не знаю. Говорят по-разному. А сегодня прапорщик сказал, что будут отправлять в Монголию, Польшу, Чехословакию и, кажется, в Румынию. Нас отправят

числа 13-18.06.81 г. а сегодня уже 26.05.81 г. так что после 31.05.81 г. на мои письма не отвечай. Я тебе буду писать, если поедем на поезде с дороги. А если на самолете, то напишу уже из части. Пока нас еще не фотографировали, хоть и обещали, но обещания, по-моему, так останутся обещаниями. Я, наверное, пришлю фотографию уже скорей всего из части. А в часть буду бегать с рацией за пехотой, и обеспечивать связь между командиром взвода и командиром роты. Если посчастливится, то буду ездить на машине, и связывать комбата и комполка. Но такой надежды почти нет. Чувствую себя хорошо. Вовка хоть и редко, но пишет. Хотя эту неделю всю не получил письма ни от Вовки, ни от тебя. Но пришло вообще-то одно письмо от Смирнова Андрюхи. В общем, ты меня поняла. И Вовке скажи, чтоб после 31.05.81 г. на письма не отвечал. До свидания, целую. Станислав.

7. Здравствуй мама!!!

Все три письма от тебя получил. Спасибо тебе большое за них! Мама, ты не старайся мне писать тогда, когда не можешь. Я тебя хорошо понимаю. И не надо так сильно переутомляться, а то еще чего не того в документах на свою голову напишешь. Да и самой тебе нельзя много так работать, а то за сердце схватишься. Оно ведь у тебя как само это слово, большой нагрузки не выдерживает. Правильно я пишу или нет?

Вот ты пишешь, что часто забираются в склады, да? Что это ченцовские пацаны, да? Что руководит им взрослый. А я думаю наоборот! Это ченцовские, все верно, согласен, а вот руководит, по-моему, не взрослый, а тоже парень, только примерно десятиклассник. Ведь зачем они это делают? Чтобы были деньги. А деньги им зачем? На курево, на вино. Особенно если ребят несколько человек – надо много денег. А по ангарам этим они не раз лазали, когда здесь было заброшено и никого не было.

Естественно они знают все дыры. А ворованное продать ничего не стоит. Куда-нибудь в другое село загнал, и все.

У меня дела идут хорошо. Из карантина молодые еще не пришли. Пока ходили в караул. Вот и сейчас пишу тебе письмо в карауле. У нас по-прежнему нет дождей. Только ночью стало холодно, аж пар изо рта идет. А днем температура как у нас в обычное лето 25-30 градусов. Вовка так и не пишет. Я ему несколько писем отослал. Да куда там, глухо как в танке.

Ты мне как-то писала про соседку, примерно моих лет, напиши мне про нее подробнее. Мам, а Танька так с Вовкой и живет? Мам, я соскучился по гражданской пище. Вот вчера приснилось, это я пришел из армии домой с утра, как набросился на твой рассольник, тушенку и кисель. Что, к моему удивлению, съел целую кастрюлю рассольника, целую сковородку тушенки, но почему-то только пол кастрюли киселя. А утром проснулся голодный! А так не хотелось просыпаться! За поздравление спасибо! Жаль, что у меня открыток нет, а то бы и тебя поздравил открыткой. Мам, у нас здесь иногда бывает хорошее мыло. Сама понимаешь, в письме его не пошлешь, так я тебе хотя бы этикетку от него пошлю. Смотри. Должна быть в конверте. Это мыло душистое такое, и пенится здорово. Домой поеду – обязательно захвачу несколько штук. Ну, у меня все. Передавай там от меня всем по большому заграничному привету! Лентяю нашему тоже, хотя…обоим лентяям (Вовке и Мурзику). Ну, до свидания! До следующего письма! Целую! В обе щеки! Станислав.

8. Здравствуй мама!!!

Писал я тебе, что отправят нас в Авган. Отправили, но только не в Авган, а Монголию. Как я и предполагал. Стоим в степи, кое-где горы. Тихо, мирно, все говорят, что здесь только учебные тревоги, даже дедов замучили этими тревогами. А мы пока будем отдыхать. Я даже не знаю, зачем меня учили на

связиста. Я приехал сегодня сюда на ТУ-154. Летели-то из Самарканда 1 час 30 минут, потом порассовали в подразделения. Вот я и очутился в 30-м гвардейском мотострелковом полку, и профессию определили такую: гранатометчик. Из гранатомета буду дубасить. Вот тебе и связь. Теперь у меня полевая почта: инд.071176. полевая почта 71176 «В» Фионину С.Ю.

9. Здравствуй мама!!!

Шлю тебе большой-большой заграничный привет!!!! Живу я теперь по-походному. День и ночь на машинах. Пищу принимаем как положено: утром сечка и кофе, в обед борщ и компот, в ужин консервы и чай. Ну, на ужин мы обычно не едим консервы, только чай пьем, а на завтрак в сечку добавляем консервы. Здорово выходит, как каша с мясом. А так как обычно писать некогда. Вот вчера из рейса пришли, сегодня опять готовимся в рейс другую колонну сопроводить. Во время остановок ходим в сады, там чего-нибудь из фруктов возьмем, там много чего есть взять. Тут и персики, и виноград, и арбузы – чего только нет. Один раз пошли мы втроем в огород, и взяли все, что нам надо было, и пошли обратно. Вдруг слышим: один отплевывается отчаянно, и руками за язык хватается. Мы ничего понять не могли, пока не увидели, что в другой руке он перец зеленый держит. Вот мы усмеялись! Аж арбуз уронил, и он раскололся – спелый попался. Первый раз когда мы у виноградника остановились, я винограда объелся, потом живот болел. Но это с непривычки, потом все прошло, и сейчас все в порядке. А виноград здесь не такой как у нас в Костроме. В Костроме какой? Вот такой маленький. А здесь есть такой и больше. Да еще черный виноград крупнее и слаще. Вот я и объелся этим черным виноградом. Денег сюда присылать не нужно. Они все равно без толку. Мы на чеки живем, наши деньги здесь простая бумага. Я, наверное, не успею тебе написать. Сейчас сказали, что без 15 час построение – смотр. Это через несколько

минут, потом обед, после обеда – готовность к выезду. Так что может задержаться письмо. Здоровье у меня отличное, ни на чего не жалуюсь. Стал привыкать, когда нет времени, тогда дом из головы вылетает совсем. Так что все у меня в порядке. А как у вас дела? Пишите: как дела, что нового, что там с директором, как с твоей должностью, что Вовка делает, что там Федя??? У нас здесь тоже есть кошка, да еще и с котятами! Такие смешные! А коты здесь некрасивые. Морды большие квадратные, и глаза злые. То ли дело наш мяфсик-Мурзик! Красавец из красавцев по сравнению с этими котами. Осталось мне еще 7 месяцев, и буду ни о чем не заботиться, буду ждать дембеля, а сейчас надо до той весны подождать. Ну, писать кончаю. Время вышло, пошел строиться. До свидания!!! Целую!!! Станислав. Передавай там всем приветы.

10. Здорово Вовка!!!

Чего ты припух? На практике был, да? По по-прежнему такой же дохленький? А я как бревно валяюсь на койке. Сегодня нам сделал 4 укола от желтухи, и вот теперь шлангуем. Сегодня 13.06.81 г. 15.06.81 г. уезжают курсанты, а мы уезжаем 17-18.06.81 г. в Авган на границу с Пакистаном. Где-то в тылу нам 4 дня осталось шланговать, а потом в часть, там уже не пошлангуешь.

На это письмо не отвечай. Интересно узнать как у вас там в первомайском дела? Что делается. Все уже, наверное, на каникулах. Как там соседушка-то? Родное сердце? Степка еще дома? Бабу Таню, если увидишь, скажи ей, что про посылку она не правильно прочитала. Не 10 кг., а на 10 человек. Пакетов 5, не больше. И сейчас уже не надо посылать. Я уезжаю в часть, и посылка обратно придет. Что хоть ты думаешь делать с мопедом? Покупать, да? Что там делает Вовка В.? А вообще когда я тебе пришлю адрес, а точнее номер полевой почты, то чтобы сразу отвечал! Понял? Ну, ладно, писать кончаю. Бывай здоров! Приеду,

если живой будешь, я тебя, гаденыша эдакого, перевоспитаю!!! Стас.

11. Здравствуй мама!!!

Еще раз! Ты не удивляйся, что за раз 2 письма получила. Я сегодня получил твое письмо, а то письмо я писал в карауле и не успел отправить. Вот и все!

Сразу начинаю отвечать на твои вопросы. Такой адрес у нас, потому что здесь стоит только гарнизон, а самой 40-ой гвардейской дивизии ордена Кутузова, Богдана Хмельницкого, орденов Красного Знамени нет. Вот и пишется «полевая почта». Тем более мы стоим не в городе, а недалеко от него и от аэродрома. Отсюда каждый день в Союз летает по одному самолету в день, да еще есть много всего на этом аэродроме. Так что письма отправляются ежедневно, а также приходят тоже ежедневно. Можешь не беспокоится. На счет писем здесь хорошо. Когда я был в Самарканде, первое письмо написал, а ответ пришел через месяц. А здесь 18.07.1360 (по-мусульманскому календарю) написал, а пришел ответ 6.07.81 г. всего-то 6 дней туда, 6 дней обратно.

А вот на счет дня рождения мне придется твои планы нарушить. Сюда ни посылок, ни переводов, ни бандеролей не доходит. Они, если ты пошлешь, приедут обратно к тебе. Здесь считается как заграница.

С места на место нас гонять не будут. Здесь мы крепко осели. Вот насчет ребят потрудней. Нас 4-е взвода (я имею ввиду только нашу роту). И во всех взводах нас, русских, было 4 человека. Потом одного забрали на БМП (санитарную) водителем, другого в медпункт санитаром, и остались мы с Сергеевым, а остальные все нерусские, да еще и деды. В нашем взводе 2 узбека, 2 туркмена и я остальные деды – они всяких национальностей. Я как-то лучше нахожу общий язык с дедами. Но потихоньку

начинаю и с другими ладить. Уже половина их на меня не косятся, как теленок на волка. Если к ним по-хорошему, то и они будут тоже по-хорошему. Мда!!!25-35 – у вас невыносимая жара? Я когда прочитал, то чуть не оторопел. Потом об этом сказал ребятам (имею ввиду дедов). Так они усмеялись так, что когда вошел прапор, и увидел, что все за животы держатся – было напугался, но потом тоже посмеялся, правда в меру, боясь, что у нас тоже живот заболит.

Так что не боись, письма летают постоянно. Можешь высылать новости. Не бойся, все до одной дойдут. Ну, вот вообще-то и все. Остальное, что сейчас есть новостей, я уже написал. Только добавлю. Нам выдали сигареты «охотничьи» называются, на месяц 18 пачек. Я ребятам все 18 и отдал. Вот где они обрадовались! А то я с ними ем все, что они на свои деньги купят: и печенье, и конфеты, и сгущенку, и виноград, и «баржоми» – да вообще все. А от меня ничего? Вот вроде как компенсация. Скоро, числа 15 деньги дадут. Примерно чеков 9 рублей. Чеки как лотерейные билеты, только там цифры нарисованы как на деньгах. Ну, пожалуй, все! До свидания. Целую!!! Стас.

12. Здравствуй мама!!!

Вот я тебе снова пишу! Но что-то долго я от тебя не получал писем. Уже недели 2, да и от Вовки тоже с неделю. Что так долго не пишете?

Новостей нас не так много. Сегодня 26.09.81 г. Сегодня у нас приказ, дембеля уже подготовились и ждут отправки. Скоро приедут молодые, т.к. мы будем молодыми, а приедут лимоны, как у нас их называют. Я тебе в прошлый раз писал, что лимоны, т.е. пополнение уже приехало. Но это были всего лишь слухи. А сегодня нам должны на разводе зачитать приказ, так что через недельку-две должны приехать. А у дембелей начинаются отправки. У меня в Ярославль тоже должен земляк уволиться.

Только никто не знает когда, с какой партией он поедет. Ведь не всех сразу отправляют, а постепенно. Дали нам форму новую, х-б, позеленел сразу, а то были все порванные, заштопанные, в выцветшей форме. А теперь все красивые. Только панамы как были, так и остались. Они уже побелели на солнце, выгорают.

Мам, у нас так бывает? Вот голая земля, да? Вот проехало по этой голой земле несколько машин, да? Что с этой землей станет у нас дома? Останутся одни колеса, да? А здесь их не остается, здесь делается на этом месте пыль по колено, мелкая-мелкая, как мука пшеничная 1-го сорта. И в воздухе она висит ни как у нас, а минут на 5 как туман.

Нам выдали деньги по 9.20, а магазины не работают, но мы и здесь нашли выход. Приехали в магазин машины с продуктами. Так мы придем, разгрузим машину, а за это возьмем (купим) все что нам надо. Я лично купил 7 пачек печенья на рубль, две банки сгущенки на второй. Вот будет работать автолавка, я куплю еще конвертов, а так у меня вроде все есть.

Знаешь по чему я больше всего скучаю? Не догадаешься! По траве! Высокой, примерно по колено. Я во сне видал: поле, а на нем трава, и ветер ходит по ней волнами. Красота! Нет, что не говори, а пословица говорит правильно: в гостях хорошо, а дома лучше!!!

А здесь по-прежнему ни облачка, днем до 35, а ночью 2-5. Я еще ни разу не болел. Нога, что я тебе писал, натер, прошла давно. Самочувствие нормальное. Вот только схожу к стоматологу, пломбу поставлю, появились дупла в зубах, целых три. Пока не болят, а я и не буду дожидаться, когда нерв загниет. Сразу зараз! Вон уже 3-4 человека мучаются этими зубами. Им не позавидуешь! А я этого зубного врача ведь не боюсь, так что все окей!

Андрюха Смирнов не пишет, наверное, его забрали уже. От Водочкина по-прежнему ни слуха, ни духа. А у вас какие новости?

Уже листья подметаете? Красиво? Я имею ввиду природу. Мам, как там дела с квартирой? Ну, до свидания! Целую в обе щеки. Станислав. Передавай там от меня всем приветы! Напиши обязательно на счет Мурзика, Мурки и прочей живности. Мам, а куда девался тот смешной щенок, который был у тети любы? Я помню, он вслед за Муркой на кровать запрыгнул два раза, после чего стал у Миши тапку грызть. А было это так: гавкал он на Мурку, гавкал, ей надоел, он от него с разбегу на кровать прыг, и смотрит на него. Он не долго думая тоже разбежался – прыг …..и под кровать, только подзор закачался. Ну, ладно. Бывайте здоровы. Станислав.

13. Здравствуй мама!!!

Вот решил тебе сегодня написать письмо, но что писать – сам не знаю. Последнее я тебе писал, по-моему, 2 дня назад, пора и другое написать.

У меня все по-старому: по-прежнему на небе не облачка, по-прежнему ходил в караул через день, по-прежнему в тени 40-50 градусов. У меня все в порядке: больных нет, пострадавших тоже, но есть скука. Скучаю, мам, по лесу, реке, а больше всего по прохладе и людям. Здесь русского редко встретишь. Большинство туркмены, узбеки, из Латвии, Сибири, Азербайджана, русских мало. Вот представь себе: жара, воды мало, много пить тоже нельзя, а через 2 часа через день на жаре стоять. Я удивляюсь, как так может быть? За все лето ни единого облачка на горизонте не появилось. То ли дело у нас!!!

Костромка чистая-чистая, прохладная, и деревьев много. Здесь ни одной речки, только пересохшие русла. Деревьев на 10 км. – одно единственное. Да еще жара, плохо к ней привыкаешь. Помнишь, что я тебе из Самарканды писал? «Жара. Нет ее страшней». А здесь, оказывается, страшней. Самарканд по сравнению с этой Монголией – «рай»! представляешь? В

Самарканде мы в караул не ходили, воду пить – сколько хочешь, столько и пьешь. В остальное время только в тени можно. Вот такие у меня дела. Теперь твоя очередь писать. Пиши как природа. Что нового? Как Мурзик, Мурка и другие звери? Как огород? Как Вовка? И вообще как там все без меня?

Передавай там все в общежитии приветы. Что там Женька? Уехал? Кто еще ухал? Как директор? Короче меня интересует все! До свидания. Целую!!! Станислав.

14. Здравствуй мама!!!

Извини, я не писал долго, но в эти предпраздничные дни совершенно нет свободного времени. Надо и в столовой убираться, надо и в палате, где мы спим, повесить вату и снежинки.

Вот сегодня 1.01.82 г. я кое-как нашел время, чтобы написать. Получил недавно от тебя письмо с конвертами, а самого письма нет. И открытку тоже. За поздравление спасибо! Но не похоже, чтоб ты прислала один только конверт, в котором были одни конверты. В придачу он был вскрыт. У меня все в порядке. Новый год провели тихо, мирно, верней 2 новых года. Один в 12 часов по местному времени, другой – в 3 часа по местному времени, т.е. в 12 часов по-московскому. А проводил я их так: нам майор разрешил смотреть телевизор до 6 часов утра. Ну, пока идет «Огонек», я посмотрел мультконцерт, потом по другой программе кино «Это веселая планета», а потом спать. Так что второй новый год я встречал во сне. Хоть я и не помню ничего, но, думаю, что что-нибудь приятное снилось. А как вы встретили? Снегу у вас много? А у нас на новый год, где-то числа 30-го вечером снег выпал. Вот и до сегодняшнего дня держится. Я думал, елку не увижу, и снега тоже. А и елочка у нас стоит, маленькая такая, с игрушками, и снега чуть-чуть, но пока не тает.

Ну, вроде все. Извини, что мало написал, но больше писать нечего. И ужин привезли. До свидания. Стас.

15. Здравствуй мама!

Шлю вам большой-большой заграничный привет! Передавай там от меня всем тоже приветы. Сегодня 30.03.82 г. пишет вам уже «черпак» Советской Армии, а не какой-нибудь салага. Теперь я сам имею право гонять молодых. А сам буду выполнять приказания только командира взвода (что могу еще подумать) и командира роты. Мам, я уже не ругаюсь со своими сослуживцами, вот сейчас мы сидим и пишем письма домой. Я на русском языке, еще двое – на туркменском. Опять я пишу тебе письмо из караула. Устав я уже выучил, так что как приходу в караул, так сразу начальнику караула сдаю все статьи (169,170,172,174,175,176,177,181,183,185,186) – все 11, и делаю что хочу. А все остальные сидят и зубрят этот устав. У них это выходит примерно так: «Караул, пост – называется магазин, все сданновая под охрана и оборона часовой, которое надо охранять». Это был вопрос, что называется постом. «Постом называется все порученное часовому под охрану, оборону, а также место или участок местности, на котором он выполняет свои обязанности» - так надо было отвечать. Ну, ладно, буду писать про что-нибудь другое. Я бессменный пост №1. Постоянно у знамени стою. Вот сейчас сижу за начальника караула. Он отдыхает, его помощник тоже. Ну, а я за них сижу. У нас здесь появляется все больше и больше цветов. Все фруктовые деревья в цветах, а листики только еще вылезают. Посылаю тебе несколько цветочков. Еще новость – у меня болят два коренных зуба с правой стороны. Будет время – пойду сверлить. Как там у вас дела? Чего нового? Что там на счет квартиры? Как у Вовки экзамены? Как работа? Что директор? Не увольняет еще? Ты тоже будешь ковер брать? У меня все. До свидания. Целую. Станислав.

16. Здравствуй мама!

Извини, больше 2-х недель были на полигоне в полевом лагере. Тактика и стрельбы – вот и все, чем занимались. Никак не мог написать.

Да, мама, осталось мне чуть больше полгода служить, а кажется, что целую вечность. Последние дни все тянутся долго. У меня все в порядке. Теперь нахожусь в роте, т.е. опять тревоги и т.п. насчет Нади я все понял. Ромашку твою получил. Огромное спасибо тебе за нее!!! Вот только я не могу определить, чем от нее пахнет. То от нее пахнет лугом и цветами, то квартирой и парфюмерией, то твоими руками, от которых пахнет печевом, немного кремом и духами.

Вове! Дорогой братишка! Поздравляю тебя с семнадцатилетием! Ты теперь почти взрослый. Я желаю тебе правильно выбрать свой жизненный путь. А если проще, то много радостей, много шума и веселья, счастья, крепкого сибирского здоровья, ясного неба над головой, и всего самого наилучшего. Твой брат Стаська.

Для тебя так и останусь Стаськой. А для мамы – Станиславом. Ну, и ты для меня будешь Вовкой. Вов, извини меня за опоздавшее поздравление, да еще и без открытки. Ничего у меня нет, вот хоть на листике поздравить. Ну, До свидания. У меня все хорошо. Станислав.

17. Здравствуй мама!

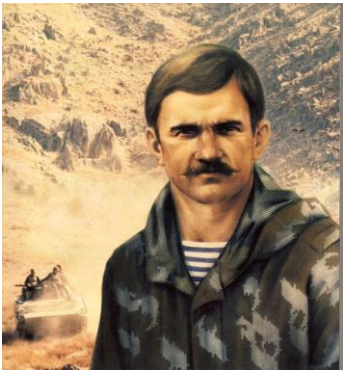
Отвечаю на письмо за 24.08.82 г. здоровье у меня хорошее, и на поправку ему нечего идти, а с глазом нормально. Не болит, голова тоже не болит, продолжаю делать уколы. В глаз и в мышцу. Это хороший укол. Когда делают – не больно, и потом не болит. А в глаз – поболит и перестанет. После проводов никакого вина больше не пил. Попивают в армии – это верно. Но тоже смотря где. У нас в части как и не увидишь его, а сейчас не до этого. Пускай

сперва вылечат, а потом уж можно поглядеть. А случилось со мной вот что: мы были на боевой операции. Прочесывали зеленую зону, и в одном месте наткнулись на душманов. По данным разведки, на этом месте находились две банды. Ну, перестрелка завязалась. У меня в это время автомат заклинил, я пока его дергал, ничего. Потом когда стал присоединять магазин – разрывная пуля попала мне в автомат, в газовую камеру, там разорвалась, и осколки попали мне в глаз. Вот и все. Я еще почувствовал, будто мне в глаз землей швырнули, ни боли, ничего не было. Все. Чего не поймешь из слов – спрашивай у Вовки. Он, наверное, знает. Я не знаю, долго или нет пролежу, но глаз-то мне еще не вылечили, так что, надо думать, с месяц. Тем более и документов у меня нет. Все они в Афганистане, в Кандагаре. Конечно, отсюда уже послали запрос, но когда они еще придут? Я даже приблизительно не знаю.
После этой «травмы» в отпуск меня не пустят. Комиссуют и все. Вот мам, «такой я не внимательный, угораздило меня подставить глаза» (это из твоего письма).

Ты не бойся, читать я не устану. Сейчас уже книги читаю. Мам, я и не болею, а только лечусь. В следующем письме я не получил конвертов, т.к. в нем было другое письмо. Вот сейчас я на него и отвечать начинаю (за 8.09.82 г.).

Перевод 20 рублей я получил. 5 потратил, 15 еще лежат у старшей сестры. Никакой операции не было после того, как ты приезжала. Врач все время говорит, что лучше уже. Валерка тоже себя чувствует хорошо. За приветы спасибо! Передавай от меня тоже всем по такому же огромному привету! Про Крым мне ничего не говорят. Ну, вот и ответил я на все твои вопросы. Вовке тоже от меня персональный! Мам, а про чего бабушкам писать? До свидания. Станислав.

Юрасов Олег Александрович



Гвардии Майор Юрасов Олег Александрович родился 27 ноября 1954 года на станции Щербинка ныне город Подольского района Московской области в семье рабочего. В Советской Армии с ноября 1973 года. В 1979 году окончил Рязанское высшее воздушно-десантное командное дважды Краснознаменное училище имени Ленинского комсомола. После окончания училища молодой офицер проходил службу в разведывательной роте 331-го парашютно-десантного полка, расквартированного в городе Костроме, в должности от командира взвода до командира роты. В составе 40-й армии в Республике Афганистан с июня 1987 года по январь 1989 года. Начальник штаба, заместитель командира парашютно-десантного батальона 345-го отдельного гвардейского парашютно-десантного полка гвардии майор Олег Юрасов принимал участие в шестнадцати боевых операциях.

23 января 1989 года, когда окружённые советскими войсками боевики под прикрытием мирных жителей пытались вырваться из кишлака Калатак на Южном Саланге, гвардии майор Юрасов с разведывательным взводом огнём из автоматов заставил противника залечь, а жителям дал возможность уйти в безопасное место. Получив тяжёлое ранение, мужественный офицер-десантник в тот же день скончался. Это произошло за три недели до окончания вывода советских войск из Афганистана…

Указом Президиума Верховного Совета от 10 апреля 1989 года за мужество и героизм, проявленные в экстремальной ситуации при оказании интернациональной помощи Демократической Республике Афганистан, гвардии майору

Юрасову Олегу Александровичу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красной Звезды (1987, 1988), медалями.Приказом Министра обороны СССР от 9 октября 1989 года навечно зачислен в списки личного состава 331-го гвардейского парашютно-десантного полка. Следующие 2 письма Олег Александрович пишет семье.

1. Здравствуйте дорогие Мама и Папа!

Сразу сообщу радостную весть, смотрел Спартак, да еще и выиграл. Вертолетчики не летают, поэтому как получил тогда сразу 4-е письма, больше пока нет. Потом опять не ждешь, а придет. У меня все по-старому. Живем, в своем соку варимся. Смотрим, как афганцы пашут в поле, жара сейчас усиливается. Хорошо, что мы живем в мазанках, в них не жарко, после обеда афганец дует часа два-три, пылища прет, носа не высунешь. Пьем чай ведрами, появились случаи лихорадки у солдат. Это дело пустяковое: три дня температуры и все нормально. Пьем раз в неделю таблетки профилактирующие, моем руки, все нормально. Хочется на зимнюю рыбалку сходить, а снега здесь, ребята говорят, вообще нет.

Мам, Плетня сюда надо в горы сходить, окраска лица сразу поменяется моментально. Если увидишь – привет ему передавай. Газеты у нас все есть, и журналы, даже можно подписаться. Кормят хорошо, только нет овощей, а если присылают, то одно гнильё. Вообще, честно говоря, скотоводство здесь кругом, у нас мало, в Баграме побольше, в Кабуле совсем много. Ну, это черт с ними, нас пока не трогают и слава богу. Вот такие дела. Целую Вас. Привет Духовым. Высылаю фотографии, не пугайтесь.

2. Здравствуйте дорогие Мама и Папа!

Ну, наконец-то все встало на свои места. 15 мая начало массового драла. Даже не верится, что выберемся из этого болота. Но рот разевать нельзя, друзей у нас тут нет, если что-то даешь – значит друг, не даешь – враг. Попробую в отпуск сорваться в ближайшие пару недель. Пускай папка удочки настраивает, рыбачить будем на речке. Пишу, а сам на календарь смотрю, время подгоняю. Конечно, хочется время потянуть до отпуска, но что-то сильно захотелось на Родину. Погода у нас теплая, все распустилось и цветет. Ближе к вечеру гоняем в волейбол. Здесь коптильня как у Папки, приеду – расскажу. Завтра буду пробовать, что получилось. Вот и все. Целую. Олег 11.04.88 г.

Выполнение служебно-боевых задач на территории Северо-Кавказского региона (1994 г. – по настоящее время)

Куль Игорь Владимирович

Лейтенант милиции. Инженер-сапер инженерно-технического отделения ОМОН при УВД Костромской области. Погиб 5 января 2002 года при проведении инженерной разведки на дороге по направлению Урус-Мартан – КПП-202. В населенном пункте Гехи в центре проезжей части Игорь Куль обнаружил следы свежей земли. Приказав группе остановиться, сам начал обследование подозрительного участка. В этот момент произошел подрыв радиоуправляемого фугаса, следы от закладки которого, он и обнаружил. За мужество и героизм, проявленные при исполнении

служебного долга, награжден орденом «Мужества» (посмертно). Зачислен навечно в списки личного состава МВД России от 23.12.2005 г.

Письмо супруге.

Здравствуй моя любимая Наташенька!

Спасибо большое за гуманитарку. Все очень вкусное, и то, что я люблю. За меня не переживай, у меня все нормально. Больше всего я ждал твоего письма, читал твое письмо – сам будто с тобой поговорил, а закрыл глаза, как будто рядышком стоишь. Очень ароматные духи. Наташенька, любимая моя, я очень сильно по тебе скучаю, жду встречу с тобой. Ведь ты у меня самая красивая, нежная, самая ласковая…….Я благодарю бога за то, что он свел нас с тобой. Помнишь, я говорил на счет того, чтобы обвенчаться. Я думаю, мы это сделаем. Я хочу прожить с тобой всю жизнь, и когда умру, лет так через 200-300, и на том свете чтобы наши души были вместе. Наташенька, очень сильно тебя люблю. Наташенька, в новогоднюю ночь, когда будут бить куранты, я буду думать о тебе, любимая. Поздравляю тебя и Диму с наступающим новым годом! Будь такой же красивой, умной, ласковой. Поцелуй за меня Димочку, маму. С Новым годом вас, мои любимые.

Наташенька, до свидания, любимая. Жду нашу с тобой встречу, и я тебя крепко-крепко зацелую, каждый миллиметр твоего тела. До свидания, любимая! Твой любящий муж Игорь!!!

Тютин Дмитрий Юрьевич

Милиционер ОМОНа УМВД по Костромской области. Учился в лицее №9, был курсантом детского морского центра, затем поступил в институт педагогики и психологии КГУ. После армии целенаправленно пришел в отряд особого назначения. Каким он был? Лидером на всем своем пути, всегда старался дойти «до сути», ответственно относился к любому делу, а к службе – тем более. Его любили за доброжелательность, жизнерадостность, открытость и надежность. Кажется, в его жизни должно было быть еще много счастливых моментов.

Но случилось непоправимое. 1 декабря 2009 года, Дмитрий Тютин совместно с сотрудниками дагестанской милиции и ДПС нес службу на посту КПП Махачкалы. Было произведено задержание. В это время Дмитрий отдыхал после 12 часовой смены, сняв с себя тяжелую амуницию. Но получает указание о проведении досмотра.

Задержанный, при попытке приблизится к нему, достал пистолет Макарова и выдернул кольцо из гранаты. Дмитрий, задетый осколками гранаты, принял огонь на себя. По-настоящему, без высокопарности, врукопашную бросился отрезвлять бандита. Тот, сраженный русской храбростью, выпустил в Диму все пули…Он получил ранения в живот, грудь и спину. В больнице сердце Дмитрия остановилось.

Письмо Тютина Дмитрий к Кувшиновой Светлане.

Привет, Светик!

Вот выдалась свободная минута, решил тебе написать.

У меня все хорошо. Живу армейской жизнью и вспоминаю гражданку. В выходные собирался сгонять до дома в Кострому, на сутки, но не получилось. Но в следующий раз я обязательно вырвусь, и, конечно же, зайду с тобой поздороваться! Надеюсь, ты не против? =)

Значит, учишься ты еще? Ходишь на пары и занимаешься художественной самодеятельностью. Напиши, пожалуйста, что изменилось в лицее, а что останется неизменным на века? Кто из преподавателей уволился?

Интересно, чем ты занимаешься в свободное время, просвети меня, пожалуйста. То, что ты ходишь в кинотеатры – я это понял, хоть и без второй половинки. Кстати, на счет второй половинки я тебя прекрасно понимаю, т.к. сам не имею ее.

В новый год ты хорошо потусила, а вот мне было дико. Мы накрыли на столы, они были просто забиты салатами, картошкой с курицей, бананами, мандаринами, газировкой и печеньем с конфетами, короче говоря, были одни ништяки. Но странно одно – все это куда-то исчезло еще до того, как начали бить куранты. В полночь нас поздравил комбат вместе с командиром роты, мы допили газировку и пошли на улицу, закусили пару конфет, покурили и пошли спать. Дак вот что мне дико – нет спиртного, один мужской пол, и так мало времени.

На счет того, что на войне ты не одна ничего. Я хоть Натаху вспомнил и тот момент, сама ты, ты, наверное, помнишь, на какой-то репетиции с ней готовили танец, где она с одной стороны сцена на другую шла следующим образом: вставала на «мостик», с него на ноги и т.д. Короче так она дошла до дверки железного шкафа с аппаратурой и ударилась! Ты помнишь! Ха-ха-ха

Много было школьных моментов, есть что вспомнить.

На фотке ты получилась отлично, могу от всей души сказать: выглядишь великолепно, и даже с фотографии слепишь своей красотой! У меня то, блин, не получается сделать фотки =(

А еще 27.12.06. мне присвоили звание ефрейтор, а еще на днях должны дать младшего сержанта и поставить на должность командира отделения. В моем подчинении будет целое отделение! Вау. Порадуйся за меня, пожалуйста! Но что-то у меня нет большого желания быть командиром отделения. Во-первых, большая ответственность, во-вторых, документация, книги и бессонные ночи. Вот так! А у тебя, Светлан, случилось что-нибудь такое, что прямо ух?

Аленке Маслениковой большой привет! Послал ей письмо, а ответа нет. Может, обиделась на что. Не знаю!

Ну вот, я заканчиваю. Всем, всем, всем огромный привет!!! Пусть хоть кто-нибудь что-нибудь напишет. От тебя я жду ответа сто пудово, если нет, то все равно напиши. Жду еще фоток и твоих блестящих, пахнувших свободой писем.

Целую, искренне ваш Дмитрий.

=Большой=

Содержание:

Предисловие **2**

Начало Первой Мировой войны 1914 г. **4**

Царев Иван Васильевич **4**

Великая Отечественная война 1941-1945 гг. **5**

Богомолов Сергей Александрович **5**

Бочков Василий Михайлович **12**

Дроздов Иван Давыдович **30**

Коротков Борис Павлович **38**

Ладужин Дмитрий Федорович **61**

Макшанчиков Сергей Гаврилович **62**

Ширин Константин Петрович **65**

Война в Афганистане 1979—1989 гг. **78**

Головин Андрей Николаевич **78**

Жуков Михаил Владимирович **87**

Фионин Станислав Юрьевич **90**

Юрасов Олег Александрович **106**

Выполнение служебно-боевых задач на территории Северо-Кавказского региона (1994 г. – по настоящее **110**

время)

Куль Игорь Владимирович **110**

Тютин Дмитрий Юрьевич **112**